

СТАНИСЛАВ

ЛЕМ

ОХОТА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Станислав Лем

Охота

«Издательство АСТ»

1958, 1959, 1964, 1965, 1972, 2019

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)я44

Лем С. Г.

Охота / С. Г. Лем — «Издательство АСТ», 1958, 1959, 1964,
1965, 1972, 2019 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-121239-1

В этом сборнике Станислав Лем, виртуоз нестандартных сюжетов и парадоксальных ситуаций, ставит перед читателем проблемы сосуществования Человека и Иного разума. Рассказ «Охота», недавно обнаруженный в рукописях Лема, печатается на русском языке впервые.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)я44

ISBN 978-5-17-121239-1

© Лем С. Г., 1958, 1959, 1964, 1965,
1972, 2019
© Издательство АСТ, 1958, 1959, 1964,
1965, 1972, 2019

Содержание

Вторжение[1]	6
1	6
2	13
3	18
4	25
Друг[2]	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Станислав Лем

Охота

Stanisław Lem

POLOWANIE (collection of short stories)

© Stanisław Lem, 1958, 1959, 1964, 1965, 1972, 2019

© Перевод. В. Борисов, 2020

© Перевод. В. Язневич, 2020

© Перевод. С. Легеза, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Вторжение¹

1

Перестали целоваться. Янек Хаин шел напрямик по лугу и подходил все ближе. Временами он утопал в траве до коротких кожаных штанишек, на которых были вышиты шестизарядные револьверы, по одному на кармане с каждой стороны. Тонким прутиком он аккуратно сшибал головки осота. Ждали, пока он пройдет. Он миновал их, оставляя за собой полоску светлых пушинок, которые ветерок пронес над их головами. С десятка пушинок запуталось в листе куста крыжовника, служащего им укрытием. Парень прижался щекой к обнаженному плечу девушки, чуть коснулся губами того места, где отражением снежинки виднелся след от прививки, и заглянул в ее ореховые глаза. Она легко оттолкнула его, глядя на луг. Янек остановился, потому что куст осота, который он достал самым концом ветки, лишь уклонился от удара. Ветка свистнула резче, осот фыркнул белым облачком, и Янек пошел дальше, становился все меньше, на спине у него покачивалась торчащая из мешочка бутылка из-под сливок.

Девушка опустила на траву, прямо над ее черными волосами покачивалась крепкая кисть крыжовника с просвечивающими ягодами, покрытыми пушком. Он попытался повернуть ее на спину, нетерпеливо поцеловал загорелую шею, она прятала лицо на его груди, беззвучно смеялась, вдруг подняла голову, разгоряченная,дохнула ему прямо в губы, обняла за шею, схватила за коротко стриженные волосы. Они целовались, втиснутые в неглубокое, похожее на незаконченную могилу углубление, возможно, от старого стрелкового окопа. Прежде чем стать деревенским пастбищем, здесь располагался полигон. Лемехи плугов скрежетали иногда на втоптаных в землю позеленевших гильзах.

Мушки, такие маленькие, что видны были лишь в солнечных лучах, кружились над кустом тонким плюмажем. Казалось, единственной их целью было создать двигающееся, прозрачное изваяние в воздухе, они не издавали никакого жужжания, были такими мелкими, что не чувствовалось, когда они садились на руки. Невидимый косарь снова точил свое орудие, мерные звуки плыли неведомо откуда. Девушке не хватало воздуха, она оттолкнула его, голова ее откинулась назад, она закрыла ослепленные солнцем глаза, показала зубы, но при этом не смеялась. Он поцеловал ее в закрытые веки, чувствовал на губах дрожание ее жестких, длинных ресниц. Наверху что-то засвистело. Она оторвалась от него, ее веки задрожали, он увидел страх в расширяющихся зрачках.

– Это лишь самол... – начал он.

Свист перешел в вой. Что-то коснулось его волос. Темнота. Клен в пятнадцати шагах от их ног взлетел в воздух, крутанул курчавой кроной в облаках, расколотый ствол взорвался облаком пара, ветви падали вокруг на траву, но все это не было слышно из-за грохота, расходящегося вокруг все дальше и дальше, пока не прекратилось мерное позвякивание заточиваемой косы.

Янек Хаин, не дойдя шагов шестьсот до деревьев рядом с шоссе, обернулся вдруг побелевшим личиком, увидел облако дыма и пара, разделившееся наверху на две части. Горячий воздух с кислым, острым запахом настиг его, ударил прежде, чем он смог крикнуть и закрыть лицо ручками (в правой он по-прежнему держал ветку). Ему показалось, что у основания громоздкого комковатого облака, застывшего как на моментальном снимке, над почерневшей вдруг землей, там, где прежде была трава, вздымается что-то блестящее, словно огромный

¹ Inwazja, 1958. © Перевод. В. Борисова //

мыльный пузырь. Больше он ничего не увидел, рухнул в траву, раздвинутую перед ним громовым раскатом, твердая стена горячего воздуха была уже далеко, она дошла до шоссе, высокие тополя трещали один за другим, переламываемые посередке, как спички, устояли лишь самые дальние, там, где почти на самом горизонте блестела крытая медью башенка Дома туриста.

Косарь работал на противоположном краю пастбища, посреди длинного склона, который спускался к почти пересохшему ручью. Ему не было видно, что происходит за холмом, но он слышал протяжный свист и грохот, а затем увидел поднимающийся над холмом столб дыма. Он подумал, что упала бомба, хотел бежать к воде, укрыться там, но не успел повернуться, как пришла взрывная волна, усиленная ветром, она прошла над ним, у него замелькало в глазах, потом начали сыпаться листья и мелкие комья земли. Он бросил косу и брусочек, сделал было пару шагов к поднимающемуся столбу дыма, но тут же повернулся и, втянув голову в плечи, побежал вдоль русла ручья к шоссе.

Какое-то время стояла полная тишина. Усиливающийся ветер разогнал столб дыма, его шишковидная, клубящаяся верхушка, все больше расплывающаяся при наборе высоты, присоединилась к облакам, размеренно плывущим к югу, и исчезла за горизонтом. Шел первый час, когда на шоссе появились две медленно едущие машины. Они подъехали к месту, где поваленные деревья забаррикадировали дорогу, и остановились.

Кроме пары десятков солдат и офицера, там было трое гражданских лиц. Сначала они попытались убрать с дороги упавший тополь, но офицер понял, что это займет много времени, и отозвал своих людей, а сам из первого, открытого автомобиля стал рассматривать пастбище в бинокль. Это был очень большой бинокль с сильным приближением, и офицеру пришлось опереться локтем на закрытую дверцу, чтобы не дрожала рука.

По траве под ветром пробегали волны тонких искорок. Офицер крепко прижимался к окулярам бинокля, водя им по всему холмистому пространству. Примерно в семистах метрах от автомобиля на противоположном склоне холма раньше стояла группа деревьев, остаток старого, давно вырубленного сада, окруженный карликовыми кустами одичавшего крыжовника и смородины. Сейчас это было бесформенное серое пятно, окаймленное пожухшей травой, цвет которой постепенно менялся и сливался с сочной зеленью луга.

Вереница кустов, растущих вдоль старой границы сада, обрывалась неподалеку от пятна, превращаясь в неясные, поблекшие лохмотья, дрожащие под сильными порывами ветра, а в самом центре разрушения, над которым мягко пульсировало полупрозрачное молочное облачко, словно вырывающийся пар из щелястого локомотива, выделялось что-то блестящее, ясно-голубое как небо. От этой выпуклости шли короткие, такие же блестящие ответвления, утопающие в черной как уголь земле, осевшей, воронкообразной формы, которую с одной стороны подпирала остаток вывернутого, обгоревшего пня.

Офицер думал, что увидел уже все, когда заметил бледно-серое, плоское утолщение между разлохматившимися кустами. Он покрутил окуляры бинокля, но картинка расплылась, и больше он ничего не увидел.

- Оно упало там.
- Наверное, спутник.
- Смотрите, как блестит, – он стальной...
- Нет, это не похоже на сталь.
- Вот свалился! Наверное, горячий?
- Еще бы!
- А почему он так дымится?
- Это не дым, это пар. Видимо, внутри у него вода.

Офицер слышал всю эту болтовню за спиной, но не подавал виду, что обратил на это внимание. Он спрятал бинокль в футляр и застегнул его.

– Сержант, – обратился он к старшему из солдат, который немедленно вытянулся, преданно глядя ему в глаза, – возьмите своих парней и окружите это место в радиусе – э-э-э – две-сти метров. Никого не пускать, гнать зевак прочь. Чтобы никто туда не проник! Вы должны занять посты, и более вас ничто не заботит. Все понятно?

– Так точно, господин капитан!

– Хорошо. А вам, господа, здесь делать нечего. Возвращайтесь в город.

Раздалось протестующее ворчание, группа гражданских собралась у второй машины вместе с водителями, но никто не решился возражать по-настоящему. Когда солдаты перешли через канаву и растянutoй цепочкой направились напрямик к холмам, капитан закурил сигарету и под сломанным тополем ждал, пока оба автомобиля развернутся. За это время он успел еще что-то написать на листке из блокнота и дал это водителю.

– Зайдешь на почту и отправишь это телеграммой, сразу же. Уяснил?

Гражданские медленно усаживались в машины, глядя в сторону цепочки солдат, фланги которой уже скрылись в первой ямке травянистого простора, а центр медленно приближался полукругом к полосе бледной зелени.

Двигатели заворчали, и автомобили, сначала один, затем другой, направились в сторону городка.

Офицер некоторое время стоял под деревом, потом зашел в неглубокую канаву, сел на ее краю и снова начал разглядывать в бинокль пятно на склоне холма, подпирая локоть кулаком другой руки.

В третьем часу, когда на дне канавы перед капитаном уже собралось множество окурков, а мелкие фигурки солдат, стоявших по колено в траве, все чаще переступали с места на место, как будто уставшие люди с трудом сдерживали желание присесть, с запада раздалось интенсивное урчание.

Офицер немедленно встал. С минуту он напряженно наблюдал за тем, что творится в небе, чтобы высмотреть пузатого комара, а за ним второго и третьего. Они росли не слишком быстро, но уже через минуту треугольник вертолетов проплыл, треща, над шоссе и начал описывать над полянами неправильные круги.

Интервал между машинами в воздухе нарушился – одна зависла над черным пятном, две оставшиеся держались в стороне, почти неподвижно, только ветер незначительно подталкивал их в бок. Офицер выбежал из-за деревьев на луг, большими шагами преодолевая сопротивление травы, затем остановился и начал размахивать руками, словно желая склонить вертолеты к приземлению. Казалось, они не обращают на это внимания, даже когда в его руке затрепетал белый платок. Офицер еще помахал им с минуту, потом опустил руки и стоял неподвижно, после чего медленно двинулся по направлению к пятну, над которым – в каких-то ста метрах над землей, – тяжело перемалывая воздух, все еще висел вертолет с толстым брюхом и длинным трубчатым хвостом, а на нем блестел диск второго винта. Стекловидная точка в центре пятна по-прежнему выделяла мелкие облачка пара, развеивающиеся под вертолетом, который чрезвычайно медленно снижался, словно его опускали на невидимом тросе. Вдруг двигатели всех трех машин затрещали громче, сформировался треугольник, офицер, удивленный, остановился, широко расставив ноги и задрал голову, думая, что они улетают, но в ту же минуту винты прекратили свою работу, машины спланировали и одна за другой приземлились на вершине ближайшего холма.

Офицер развернулся и направился к ним, но ему нужно было пройти около пятисот шагов, и в это же время из двух машин люди в серо-голубых комбинезонах уже выгружали целую грудку продолговатых предметов, укрытых брезентом, жестяные канистры, несколько высоких, узких ящиков, обернутых парашютным шелком, тесно увязанные в пачки штативы, треножки, большие кожаные футляры, все это происходило под наблюдением трех мужчин, высадившихся из последнего вертолета. Около этой машины стояло и еще два человека, один в

плаще, другой в летном комбинезоне, распахнутом до пояса так, что был виден белый укороченный мех подшивки. Оба разговаривали с сержантом, успевшим добежать к месту посадки раньше офицера.

Капитан шел к ним медленно, поскольку склон, который ему предстояло преодолеть, отличался достаточной крутизной. Он был зол, что сержант самовольно покинул пост, но внешне оставался спокоен. Пилот посмотрел в его сторону и сказал:

– Это вы капитан Тоффе? Это было ваше сообщение?

– Сержант, скажите парням, чтобы пропустили – э-э – экспедицию, – сказал капитан, словно не услышав того, что говорил пилот. Тот повернулся к нему спиной и под задранным кверху фюзеляжем вертолета разговаривал со вторым пилотом, который пил кофе из термоса. Через мгновение к ним присоединился и третий пилот.

– Вы будете ждать тут? – рискнул спросить капитан, с некоторой задержкой подходя к пилотам, которые вдруг громко рассмеялись над тем, что сказал самый низкий из них, толстяк в распахнутом комбинезоне, подбитом искусственным мехом. Никто ему не ответил, но в эту минуту мужчина в плаще, весьма пожилой, опирающийся на тонкую трость с серебряным набалдашником – капитан никогда не видел подобной вещицы, – сказал:

– Вы можете сказать, что здесь произошло? Я профессор Виннель.

Капитан повернулся к нему и начал с воодушевлением, не забывая вдаваться в детали, рассказывать, как в полдень в городке услышали грохот, похожий на гром, хотя небо было безоблачным, как на горизонте появилось облако дыма, как в полицию прибежал запыхавшийся косарь, но участок был закрыт, потому что все полицейские уехали в Дертекс, где состоялось торжественное открытие мемориальной доски, установленной на месте взрыва бомбы, убившей во время войны трех добровольцев из охраны побережья, как он сам, капитан Тоффе, немедленно организовал и принял руководство походом к месту происшествия, как на выходе из городка встретили прихрамывающего и плачущего Янека, сына Хаинов...

– Вы подходили близко к этому месту? – Профессор показал тростью на склон противоположного холма, над которым беззвучно поднимались освещенные солнцем ярко-белые облачка.

– Нет. Я приказал расставить посты и отправил телеграмму...

– Весьма благоразумно. Благодарю вас. Маурелл! – повысил он голос, обращаясь к одному из людей, помогающих выгружать вещи из вертолета. – Что там?

Он уже не смотрел на капитана. Тоффе обернулся и взглянул туда, где сустились пилоты – они что-то делали с горизонтальным винтом последнего вертолета. Он посмотрел на группу людей, занимающихся выгрузкой. Там все изменилось. На штативах темнели аппараты: один с длинными трубами, похожий на огромный бинокль, в другом он опознал теодолит; были там и другие приспособления; два человека усердно утаптывали траву и вбивали в землю колья треногих штативов, один, стоя на коленях, копался в разложенных и раскрытых аппаратах, соединенных проброшенными в траве кабелями, его товарищи поспешно работали над сборкой чего-то вроде примитивного крана.

– Солдат говорил о спутнике, господин профессор. Разумеется, это чушь. Теперь, даже когда черепица падает с крыши, все разглагольствуют о спутниках.

– Активность? – спросил Виннель. Не глядя на Маурелла, который скручивал пальцами концы проводов, он колдовал над своей тростью. Профессор открутил набалдашник, оттуда выскочил как бы маленький, немедленно открывшийся зонтик, но это было сложенное нейлоновое сиденье, на которое он и присел, расставив ноги, и стал смотреть в большой бинокль.

– Нет, ничего, – ответил Маурелл, выплевывая кусочек отгрызенной изоляции.

– Следы?

– Нет, все в норме. Холостая пульсация, пару недель тому здесь мог выпасть дождь с остаточным содержанием стронция, после того последнего взрыва, но уже все смыто – счетчик почти не реагирует.

– А эти облачка? – спросил профессор, цедя слова, как человек, говорящий при отвлеченном внимании. Трость, на которую он опирался все сильнее, постепенно уходила в землю. Он резко отодвинул лицо от окуляров.

– Там какие-то тела, – сказал он тоном ниже.

– Да, я видел.

– Профессор, это не может быть какой-нибудь хондрит? – спросил третий мужчина. Он подошел к ним, держа в руках металлический цилиндр, от которого уходил кабель в кожаную сумку, висевшую у него на плечах.

– Вы никогда хондрита не видели, – резко ответил Виннель. – Это вообще не метеор.

– Ну так что, идем? – спросил Маурелл. С минуту все стояли в нерешительности. Виннель сложил свою трость и начал медленно спускаться по склону, внимательно смотря, куда ставит ноги. Вчетвером с профессором они перешли мелкую ложбину, миновали двух постовых – солдаты неподвижно глазели на них – и вступили на сыпкую, выгоревшую, неприятно рассыпающуюся под ногами траву.

Капитан минутку постоял, затем вдруг двинулся вслед за ними.

Маурелл первым вошел в просвет между обожженными кустами, наклонился, что-то поднял с земли, посмотрел перед собой и медленно двинулся в направлении темного утолщения, туда, где обуглившийся столбик пня склонялся в его сторону. Остальные подходили к нему, останавливались, у них медленно опускались руки, они темной группкой застыли напротив воронки.

Из воронки – чуть ниже того места, где они стояли, – выдавался грушевидный объект высотой в два человеческих роста с идеально гладкой, словно отполированной поверхностью, сверху, куда не доставал взгляд, из него вырывались маленькие незаметные облачка, точнее, очень узкие колечки светлого пара, которые тут же утрачивали свою форму и расплывались, а на их месте появлялись новые, и все это происходило совершенно беззвучно.

Но никто из стоящих не смотрел вверх.

Стекловидная груша, суживающаяся и легонько клонящаяся набок, была прозрачной. Так казалось в первую минуту. Часть света, отраженная чрезвычайно гладкой поверхностью, собиралась в зеркальный образ неба, облаков и группы людей, маленьких, уменьшенных до размеров пальца. Но часть солнечного блеска, греющего им плечи и шеи, проникала вглубь, и там было видно как бы утопленную в стекле, все более мутневшем и к середине становящемся молочным, местами отсвечивающем темным перламутром, продолговатую фигуру величиной с человека. С одной стороны она заканчивалась двумя вытянутыми склеенными шарами, а с другой была расщеплена дважды – там были как бы четыре ноги, две подлиннее и две покороче, – и все это упиралось в нечто вроде живой изгороди, также утопленной в стекло, – виден был лишь ее фрагмент, с обоих концов развеивающийся в замутнениях и лишь посередине отчетливый, словно высеченный из белого коралла. Чем дольше стоящие смотрели в глубь груши, размеренно выделяющей клочки пара, тем отчетливее, казалось, в ее внутренности молочная группа форм отделялась от окружающей ее прозрачной массы, а жидкая мгла, окутывающая контуры, прилегала к ним все плотнее, хотя происходило это слишком медленно, так что никто не мог заметить ни одного отдельного движения. Они смотрели долго, так долго, что до них стали доноситься приглушенные расстоянием крики людей, которые остались на противоположном склоне, у вертолетов, но и тогда никто даже не пошевелился, потому что формирование того, что находилось в груше, продолжалось, и каждому казалось, что через минуту-другую он увидит все происходящее в мельчайших подробностях.

Маурелл первым освободился от наваждения. Вскрикнув, он закрыл глаза рукой и так простоял минуту.

– Там кто-то есть, – услышал он за спиной.

– Подождите, – сказал профессор.

– Что все это значит? – спросил капитан, который пришел последним, но остановился ближе всех, на самом земляном валу, окружающем прозрачное создание. И прежде чем кто-либо смог его остановить, он сделал три шага вниз по внутреннему склону воронки. Импульсивно вытянув руку, он коснулся хрустально блестящей поверхности.

И тут же упал на нее лицом, вполовину согнутый, как кукла, сполз по овальной поверхности, ударился головой о холмик выброшенной земли и замер так, вклинившись телом между основанием груши и большой стекловидной ветвью, выходившей из нее и упиравшейся в грунт.

Все вскрикнули. Маурелл схватил за плечо и удержал товарища, который хотел спрыгнуть к капитану. Они попятились, соприкасаясь плечами. Остановились.

– Нельзя это так оставить! – крикнул третий мужчина, бледнее. Он вытащил из сумки кабель, бросил его на землю, стал делать петлю.

– Что ты делаешь?! – крикнул Маурелл. – Гетсер, стой!

– Пусти меня!

– Не ходи туда!

Гетсер перескочил через вал, окружающий воронку, остановился в трех шагах от груши и бросил кабель вверх, к неподвижному ботинку капитана. Когда он потянул кабель, петля соскользнула и вернулась пустой. Он бросил ее второй раз, прицеливаясь тщательнее. Петля крутнулась, ударилась о зеркальную поверхность и упала. Все замерли, но ничего не произошло. Гетсер сделал еще один шаг и, уже смелее, старательно бросил петлю. Кабель, коротко хлестнув, обвился вокруг ботинка. Гетсер начал тянуть, ему помогали еще двое. Тело капитана дрогнуло, перекаатилось через овальный стекловидный верх «корневища» под грушей и поползло по склону. На самом валу его подняли и дальше вытащили на руках. Повернули лицом вверх. Оно было бледное, покрытое крупными, как роса, каплями пота. Лоб и щеки в крови.

– Он жив! – триумфально воскликнул Маурелл.

Он и другой мужчина присели на колени и быстро-быстро, так, что пуговицы летели из-под пальцев, расстегнули мундир. Они начали поднимать и опускать руки безжизненно лежащего капитана, размеренно сжимая ими его грудь. Капитан вдруг начал дышать. Он судорожно хватал воздух и хрипел при выдохе. Опустили его руки, руки мягко упали на траву. Тогда увидели, что правая ладонь, которой он коснулся шара, скрючилась и почернела, как если бы побывала в огне. Лежащий издал стон, его тело судорожно дернулось. Ему забинтовали лоб, разбитый при падении, перевязали руки и позвали двух солдат, которые как раз спускались по склону. Когда солдаты унесли так и не пришедшего в сознание капитана, Маурелл взглянул на грушу и вскрикнул.

Все разом повернулись к ней.

На высоте человеческого роста, там, где капитан коснулся гладкой поверхности, в некотором углублении под нею белел расплывшийся, но медленно становящийся все более отчетливым растопыренный отпечаток, словно бы ладони с пятью легко расставленными пальцами, утопленными в стекле.

Маурелл шагнул к груше.

С того момента, когда он увидел ее впервые, прошло несколько минут. За это время внутреннее изображение сделалось более отчетливым. Две фигуры, без сомнения человеческие, как две молочно-белые скульптуры, покоились в глубине, облитые слоями все более темнеющей глазури: мужчина, обнимающий за талию лежащую рядом с ним женщину, – а их прижатые друг к другу шарообразные головы сливались с тонким кружевом вырастающей за ними

изгороди, изваянной со значительно большей тонкостью, – так, Маурелл отчетливо разглядел какую-то маленькую, идеально круглую ягоду, которая свисала над головой женщины с ветки изгороди.

Однако невозможно было различить ни черт лица, ни рисунка рук, ни вида одежды, хотя и было видно, что они не нагие, но поверхности их тел окутывала обманчивая муть, когда же Маурелл присмотрелся к ним внимательнее, старательно разглядывая все что мог, не упуская ни единой детали, то заметил даже места, в которых непонятный скульптор будто ошибся, так, что – хотя пропорции членов, формы торсов и голов, застывших в неподвижном объятии, были выполнены безукоризненно, почти как натурально человеческие, – там и тут виделись неожиданные искажения: из щуплой, округлой пятки девушки выросла молочный нарост, как бы являющий собой продолжение ее тела, подобные полипообразные выпуклости он заметил и на голом предплечье, обнимающем шею мужчины, а обращенные друг к другу лица обоих словно окутывал какой-то неплотно прилегающий, с пальчатыми вздутиями покров из того же молочного-белого вещества, которое блестело неподвижно в стекловидном ядре груши.

Он стоял так, когда до него долетел вскрик Гетсера. Он обернулся, еще храня в глазах непонятный образ, и увидел своих товарищей, склонившихся у корней истлевшего скелета куста над двумя фигурами, обнявшимися почти так же, как те, которые он видел минуту назад.

Ноги подкашивались, он едва их переставлял. Безвольно опустился на корточки рядом с профессором.

Парень и девушка, покрытые тонким слоем обломков дерева, земли, сожженных листьев, покоились в небольшом углублении. Оба были удивительно маленькими, как будто усохшими, сжавшимися от жара, его сгоревшая рубашка и ее юбка шелушились от малейших порывов ветра, и пепел этот еще сохранял, даже поднимаясь в воздух, форму ткани, ее изгибы. Он закрыл глаза, попытался подняться, отойти в сторону, так как чувствовал, что его сейчас вырвет. Он споткнулся, едва не упал, кто-то крепко, жестко поддержал его за плечо, он не видел, кто именно.

Словно бы из далекого далека донесся до него голос Виннеля:

– Спокойно, спокойно...

2

В сумерках по дороге приехал танк. Было уже почти темно, но длинное горизонтальное дуло и скошенный силуэт башни четко выделялись на фоне горящего заката. Во мраке светились сигнальные огни. Танк затормозил, с хрустом и треском проехал по стволам, загораживающим дорогу. Какая-то ветка, застрявшая в гусенице, ударила человека, который выбежал из канавы, размахивая фонарем. Он, ругнувшись, остановился. Танк медленно повернулся, словно слепой, идущий с большой осторожностью, длинное дуло чуть задрожало, когда он перебрался через канаву и наконец задрал вверх тупой лоб, въезжая на луг.

В свете слабых фар видны были лишь высокая трава и невыразительные тени людей, расступающихся в стороны. Наполовину высунувшийся из башенки офицер что-то сказал, склонившись внутрь, и танк остановился, лишь двигатель продолжал работать, сонно тарахтя на холостых оборотах.

– Как там? – спросил офицер человека в темноте. Тот осветил фонариком, неизвестно зачем, шершавый бок танка и, похлопывая по нему ладонью, сказал:

– Все еще сидят, но мне кажется, что ничего у них не получается. Надеюсь, ты с ней справишься.

– С кем? – спросил офицер, сдвигая шлем на затылок, так как он мешал слышать.

– С этим проклятым елочным шаром! Ты что, не знаешь, зачем сюда приехал?

– А ты не знаешь, с кем говоришь?! – не повышая голоса, бросил офицер, рассмотрев в слабом отсвете фар нашивку обычного рядового.

Фонарь внезапно погас, и солдат исчез, слышно было лишь шум травы, по которой он убежал. Офицер усмехнулся уголком рта и поискал ориентиры на поле.

На вершинах окружающих холмов горели прожекторы, их лучи концентрически сходились, разжигая яркие серебристо-голубые отблески, которые, как через призму, слепили глаза. Офицер зажмурился и с минуту не видел ничего. Кто-то подошел к танку с другой стороны.

– Справишься, сынок?

– Что? Это вы, господин майор?

– Да. Ты прибыл через Дертекс?

– Так точно, господин майор.

Офицер высунулся из башенки. Он видел только черный контур головы говорящего.

– Не знаешь, что случилось с тем капитаном?

– С тем, которого тряхнуло?

– Да. Он жив?

– Вроде бы жив. Точно не знаю – торопился. А что здесь происходит? Я даже не знаю толком, какое у меня задание. Получил приказ в пятом часу – меня вытащили прямо из дому. Я как раз собирался уезжать...

– Спустись ко мне, сынок.

Командир танка легко перескочил с башенки на лобовую броню и ловко спустился вниз. Почувствовал, как ботинки ступили на скользкую, хрустящую и мокрую траву. Майор угостил его сигаретой, сунув открытую пачку в ладонь. Закурили. Огоньки сигарет подрагивали в темноте.

– Наши умники сидят там с трех часов. Первая партия прибыла на вертолетах, в пятом часу нагрянули эксперты из академии, самые сливки, вон там у крайнего прожектора стоит штук тридцать вертолетов, даже транспортеры по воздуху перебросили, так им не терпелось. «Операция Стеклянная гора» – смекаешь?

– А что, собственно, это за шар?

– Не слушал радио?

– Нет. Слышал лишь то, что люди болтают, всякую чушь: что тарелка приземлилась, марсиане, какие-то похитители детей, едят их живьем, – черт знает что!

– Ну-ну, – сказал майор, и его лицо проявилось в свете сигареты, широкое, с металлическим отблеском, будто покрытое ртутью. – Я был там, знаешь?

– Там? – спросил командир танка, глядя на далекий холм, окруженный полукольцом прожекторов.

– Там. Это действительно упало с неба. Неизвестно что. Выглядит как стеклянное, но касаться его нельзя. Тот капитан – как там его – коснулся.

– И что с ним случилось?

– Точно неизвестно. Врачи так и не пришли к единому мнению. А как собрались вместе, то согласовали, конечно, – надо же указать что-то в отчетах. Сотрясение, ожог, шок.

– Электричество?

– Говорю тебе, сынок, что неизвестно. Сидят там, балаболят, слышишь, как полевые генераторы для них работают?

– И что?

– И ничего. Шар – не шар, тверже камня, да что там – алмаза, уж по-разному к нему приступали – ни сдвинуть, ни поцарапать, а в середине – парень и девушка.

– Что вы говорите! Это правда? Как это? И живы?

– Где там – такие, ну, отливки, вроде гипсовых, как мумии. Ты видел когда-нибудь мумию?

– Только по телевизору.

– Вот, это выглядит похоже. В середине, в этом шаре, оба белые, как кость. Но это не тела – не люди...

– Как это не люди? Господин майор, по правде говоря, я ничего не понимаю.

– Сынок, сынок, а ты думаешь, кто-то понимает? Блеснуло, гроыхнуло, в самый полдень что-то упало, сделало воронку, как от двухтонной бомбы, из середины вылез стеклянный пузырь, большой, что твой кузов. В паре шагов от того места, где упал, парень лежал с девушкой – ну, лето, амур. Уложило обоих на месте.

– Что?

– Умники не знают что. Одни говорят: взрывная волна. Другие: от жары. Тут должно было быть чертовски жарко, как эта штука упала. Ну, как снаряд. Опалило их, скрутило, наверняка не успели даже испугаться...

– Но вы говорили, что они в этом... в этом шаре?

– Не они. Их подопия. Как бы отливки. Впрочем, не совсем точные. Я смотрел на них с разных сторон. Есть там и частичка куста, под которым лежали...

– Где?

– В этом шаре.

– Господин майор, так что все это значит?

Майор затаился в последний раз и отбросил окурок, который прочертил геометрически правильную розовую параболу и погас.

– Неизвестно. Успокойся, сынок, не только ты или я ничего не знаем. Профессора, ученые, президент – все в таких же сомнениях, как и мы. Фотографировали, измеряли, искали, самолеты ежеминутно что-то сбрасывали – целая лаборатория спустилась на парашютах! Репортеров, важных персон, всяких прошелыг – толпы. Видел посты?

– Да. Действительно проверяют, штук десять миновал только на этом шоссе.

– И все равно, кого тут только не было, хоть отбавляй, хлопот не оберешься – в пятом часу телевидение на собственных машинах прилетело, еле их выставили. Не разрешили приземляться, так они с воздуха стрекотали и передавали, как могли.

– И я, в самом деле, должен в это стрелять?

– По правде говоря, еще неизвестно. Ученые – ну, знаешь же! Трясутся над этой штукой. Был скандал! К счастью, не ученые у нас правят. Дали им еще четыре часа. Они почти прошли. А требовали четыре недели!

– А этот... этот шар что-нибудь делает?

– А что он может делать? Ничего не делает. До вечера немного дымил, но теперь перестал. Похоже, он стал холодным, но прикасаться к нему по-прежнему нельзя – привезли тут разных животных, даже обезьян, и проводили эксперименты. Которое коснется, сразу шлеп, и все кончено.

– Господин поручик! Сообщение! – раздался голос сверху.

Командир танка подскочил к башне, из которой высунулся к нему танкист в шлеме. Звезды спокойно мерцали у него над головой.

Поручик при свете фонаря с трудом читал каракули на листке, вырванном из блокнота.

– Господин майор – уже! – с волнением сказал он.

– Что, едешь колоть?

– Так точно.

Танкист взобрался наверх. Через минуту двигатель затарахтел громче, танк крутнулся на месте и двинулся в направлении холма. Майор заложил большие пальцы за ремень и смотрел ему вслед. Вдали, в области осветленного пространства, что-то происходило. Тени задвигались быстрее, чем раньше, слышался тонкий, писклявый шум, вверх возносились какие-то дымы, сверкали фонари, а в центре этого муравейника сияла, словно собирающая блеск линза, капля голубоватого света. Треск танкового двигателя удалялся, один раз слегка усилился, когда темное пятно, которому предшествовала двойная полоса света, взбиралось на склон. Большие рефлекторы на вершинах холмов задрожали и медленно, миллиметр за миллиметром, начали разъезжаться, их лучи поочередно уходили с бледнеющей груши, наконец, остались лишь два прожектора, которые с двух противоположных сторон скрещивали на ней свои полосы света. Майор машинально начал считать. Темнота вокруг него была полна человеческих голосов, слышался гул малых вездеходов, едущих к шоссе, люди с большими фонарями шли, раздвигая траву, капли росы стекали по стеклам отражателей, где-то далеко кто-то кричал что-то неразборчивое, этот крик мерно, неумолимо повторялся, генераторы за холмом с мелодичным урчанием работали на высоких оборотах, и вдруг все эти отзвуки прервал сдавленный, глухой грохот.

Майор напряг взор, но ничего не увидел. Грохот повторялся теперь ритмично, каждые несколько секунд – между одним и другим он досчитал до десяти. Но напрасно пытался он увидеть вспышку выстрела. «Наверное, стоит за хребтом», – подумал он. Вдруг услышал мерный скрежет железа. В последнюю минуту он отскочил с дороги тягача, который волок высокую, неуклюжую, облепленную людьми машину, колышущуюся на фоне звезд. Когда она проезжала мимо него, в лицо ему ударил отблеск далеких огней, отраженный от стекла двухметрового выключенного зенитного прожектора. Невидимый танк по-прежнему стрелял. Поскрипывание за плечами майора стихло, теперь он слышал мерный, приглушенный топот многочисленных ног. Рядом мимо продвигался длинный, прерывавшийся то тут, то там поток людей, снова и снова поднимались и опускались фонарики с забрызганными стеклами, вдруг с конца колонны в его сторону поплыла волна неясных голосов, она подходила все ближе, что-то передавалось из уст в уста, водители вездеходов, опережающих людскую вереницу, перекрикивались, волна звуков отбегла его, была уже далеко, у шоссе, а он по-прежнему ничего не знал.

– Что?! Что?! – крикнул он.

– Не берет! Не берет снаряд! – ответило сразу несколько голосов из темноты, как бы разочарованных или печальных. И уже за ним зазвучали вопросы и повторялся теперь ясный, понятный ответ:

– Не берет, не берет...

Его ослепила фара, огненное око, раздвигающее стебли травы, кто-то позвал:
– Вы сядете, господин майор?!

Водя рукой по крылу, он нашел усталое войлоком железное сиденье и взобрался на него, свесив ноги вбок, как и другие. Небольшой вездеход покатился, пружиня на надутых шинах. Когда он выезжал через канаву на шоссе, сидящие сзади заскользили по сиденью, передние хватали их за пояса, за воротники, раздавался смех. Мотор стонал, машина с трудом вылезла на шоссе. И тогда, впервые в этот вечер, его поразила красота пейзажа, раскинувшегося перед ним: аж до звезд небосклона распростертое пространство, все сверкающее, кишащее движущимися точками света, наверху раздавался, словно что-то ворчливо повторяющий, упрямый, размеренный шум самолета, а в глубине, далеко, в перекрестье двух прожекторов, чистым блеском горела груша – как капля хрусталя – и постоянно повторялся низкий, равнодушный грохот танкового орудия.

На обочинах шоссе среди сброшенных в канавы тополей стояли регулировщики и сигнализировали зелеными лампами, где можно проехать, а местами прямо на торчащих, еще не убранных стволах висели красные фонарики. Поток автомобилей, грузовиков, амфибий медленно тянулся, время от времени останавливаясь.

– Что там! Что там! Трогай! – кричали сзади. Никто не отвечал, впереди блестели фонари, машины двигались, ехали дальше. Миновали утопленный левыми колесами в канаве легковой автомобиль, из которого высывались детские головы, мужчина за рулем кричал что-то руководителю дорожного патруля, который усталым голосом повторял: «Проезда нет, проезда нет».

Сразу за поворотом снова образовался затор.

– Что это? Отступаем? – спросил кто-то молодым, высоким голосом.

– В отпуск едем! – раздавался крик с высокого грузовика перед амфибией, кто-то принялся петь, кто-то резко крикнул, пение прервалось, какой-то солдат протиснулся через деревянную решетку над бортом грузовика и сказал вниз:

– Эвакуация местности, драпай, пока цел.

– Почему? Почему? – допытывался молодой голос.

– Потому что будет бомбардировка, ясно?!!

Неожиданно колонна увеличила скорость, проехала мимо стоящих в темноте мотоциклистов в белых наплечниках и таких же белых шарообразных шлемах и попала под ослепляющую реку света. Луч медленно, подобно прожектору маяка, вращался по самому краю шоссе и между деревьев. Раздались гневные крики ослепленных людей, водители нажали на гудки, а прожектор поднял свою серо-серебряную колонну, коснулся одинокого облака и снова проехал по шоссе, выливая из темноты блестящие зеленым крыши машин, кузова, заполненные человеческими головами, вдруг остановился – майор в течение нескольких секунд видел еле ползущий рядом открытый легковой автомобиль. Высокий мужчина держал между коленями трость с серебряным набалдашником и повторял ломающимся голосом: «Это безумие, безумие, они решили его бомбить, если мы это допустим...»

Он говорил сам с собой, этот черно-белый, среброволосый человек в кошмарном свете, сидящие рядом с ним люди помоложе молчали, один держал на коленях большой, обернутый плащом сверток, все без исключения были в черных очках, – в блеске прожектора, неподвижные, похожие на бледных слепцов, – но тут сноп света дрогнул и поехал дальше, а машину рядом с вездеходом объяла темнота. Прожектор погас, наступил такой черный мрак, что фары автомобилей казались утопленными в глубокой воде, майор закрыл лицо руками и сидел так, безучастно подсакивая при толчках.

Вдруг он поднял голову.

Танк перестал стрелять – или же расстояние до него было слишком большое. Он увидел первые, слабо блестевшие фонари городка, они ехали по улицам, полным людей, которые стояли на тротуарах, в широко открытых окнах светлых комнат было слышно радио. Колонна

заворачивала, обгоняемая мчащимися сломя голову белоплечими мотоциклистами, а где-то далеко кричали детские голоса: «Экстренный выпуск! Второй шар упал в Баварии!! Экстренный выпуск!!»

Высоко наверху раздался шум самолета.

3

Маурелл ввалился в комнату в мокрой от росы одежде, на коленях остались следы глины и пепла, вытирая ноги в прихожей, очищал каблуки от прилипших стеблей травы. Фокстерьер сначала затанцевал вокруг него, радостно забарабанил твердым обрубок хвоста по открытой дверце шкафа, но вдруг насторожился, припал к его ногам и стал порывисто втягивать воздух, и когда он так принюхивался, шерсть у него на загривке щетинилась. Жена как раз подошла к двери, когда Маурелл открыл ее. Она застыла в неподвижности.

– Дорогая, я должен сейчас уехать, – сказал он. – С профессором. Они... они хотят бомбить этот шар на рассвете, представляешь? Я должен ехать с профессором, у него не очень хорошо с сердцем.

– Упал второй, – сказала она, не сводя с него глаз. – Ежи, что это? Что это все значит?

– Не знаю. И никто не знает. Что-то из межпланетного пространства, со звезд. Непонятное! Ты видела?

– Да, по телевизору.

– Значит, представляешь, как оно выглядит.

– Это было – их изваяние, за минуту до того, как они погибли, да? В последнюю минуту?

– Да. Похоже на то.

– Что вы собираетесь делать?

– Прежде всего не допустить сумасшедших действий этих... этих... – Он вновь не нашел подходящего слова. – Сначала делать, потом думать – знаешь, каков их девиз. Утром планируют бомбить. Профессор говорил мне, что кто-то из департамента вспоминал об атомной бомбе, если обычными бомбами ничего не добьются.

– Но почему они так спешат, так хотят это затоптать, уничтожить? Может, послушай, может, под этим шаром что-то... есть?

– Что? – Он поднял голову. – Как ты сказала? Под шаром? А, ты думаешь, наверное, какой-нибудь снаряд, ракета? Нет, ничего такого. Мы делали зондирование. Шар, впрочем, это не шар, просто все так говорят, углубляется метра на три, не больше. Материал везде точно такой же – как бы стекло, но тверже алмаза. Наверху зияло отверстие, но через четыре часа затянулось. До того из него выходил пар – мы взяли пробы. То, что находится в земле, в этой воронке, имеет такие цилиндрические отростки в шесть сторон...

– Корни? – подсказала она.

– Ну, скажем... Дорогая, мне нужно собираться. Я... точно не знаю, когда вернусь. Надеюсь, что завтра вечером. Что? – замолчал он под ее взглядом.

– Этот второй шар, Ежи...

– Что?! – Он подошел к ней, взял ее за плечи. – Ты что-то слышала? Было по радио? Я знаю только, что он упал где-то около Обераммергау, в газете об этом три строчки, – что ты молчишь?

– Нет, нет, – сказала она, – я ничего нового не знаю, но, возможно, за ними последуют и другие?

Он отпустил ее, начал ходить по комнате, достал из шкафа маленький чемоданчик, открыл, бросил в него рубашку, потом замер на месте с полотенцем в руке.

– Это возможно, – сказал он. – Возможно.

– Но что это? Что ты думаешь? Что говорит профессор?

Зазвонил телефон. Она подняла трубку и молча подала ему.

– Алло? Это вы, господин профессор? Да, сейчас, уже выезжаю. Что? Что, не нужно? Где? У вас? В институте? Сейчас? Хорошо. Буду через четверть часа.

Он бросил трубку.

– Заседание в институте. Прямо сейчас! Сколько времени? Только двенадцать? Я думал, уже больше... впрочем, все равно. За чемоданом зайду позже. Может, он и не понадобится, не знаю. Ах, ничего не знаю!

Он поцеловал ее в лоб и стремительно выбежал, пес в коридоре даже присел на задние лапы и рыкнул на него.

Расположенный на взгорье у реки, у подножия старой крепости, институт был виден изда- лека, особенно теперь, когда Маурелл ехал по аллее, стоя на ступеньке почти пустого ночного автобуса. Все окна старого особняка, в котором размещался институт, были темны, но ассистент знал, что со стороны фасада находятся только библиотечные залы и почти никогда не используемая аудитория для официальных торжеств. Кованая железная калитка была распах- нута, во дворе стоял длинный ряд автомобилей. Он обошел здание, за ним располагался боль- шой сад. Нереида, из ладоней которой бил фонтан, лежала на своем камне посреди маленького, усеянного широкими листьями озера, нагая и темная. Он вошел по лестнице черного хода на этаж. До него доносились чье-то покашливание и гомон множества голосов. В коридоре кто- то стоял в телефонной нише, спиной к нему, и упрямо повторял в трубку:

– Нет, не могу. Не вернусь. Сейчас нет. Не могу сказать ничего конкретного.

Он узнал Треворса, у которого слушал лекции по математическому анализу. Миновал его и зашел в малый зал. Виннель, окруженный плотной толпой (голова к голове – седые, с проседью, лысые), держал в руке что-то блестящее и, потрясая этой штуковиной, говорил:

– Если это не является для вас достаточным доказательством, прошу пройти в проекци- онный зал.

Все двинулись за ним к двери. Слышен был шум передвигаемых кресел, одно упало, все говорили одновременно. Маурелл стоял дезориентированный, не зная, что предпринять. Про- фессор заметил его, уже приблизившись на расстояние вытянутой руки, отвечая на вопросы, поступающие со всех сторон.

– Вы уже здесь, прекрасно, прошу с нами, вы мне поможете.

Проекционный зал – собственно, обычная, только затемненная комната с ничтожно малым количеством мест, поэтому половина присутствующих вынуждена была стоять в про- ходах и у стены, в которой виднелись квадратные оконца для киноаппаратов. Виннель, стоя под раскрытым экраном, поднял руку. Установилась относительная тишина.

– Коллеги, вы увидите необычный фильм, который в течение четырех часов, до тех пор, пока нас не выгнали военные – да, пока нас не выгнали военные, – коллега Терманн снимал с расстояния шестидесяти метров, делая единичные снимки каждые три секунды.

– Почему с такого далекого расстояния?

– Из соображений безопасности, – ответил профессор. – Того, что дал нам фильм, мы, конечно, совершенно не ожидали. Кадры не идеальны, проявление ленты проводилось в неслы- ханных условиях, не то что полевых, но под угрозой удаления нас, во время постоянных сты- чек с... но не буду об этом. Коллега Терманн! – повысил он голос. – Начинайте!

Профессор сел и исчез с глаз Маурелла, стоявшего у самой двери, сбоку. Он знал, что это вполне приличное для просмотра место. Стало темно, застрекотал проекционный аппа- рат. Изображение переместилось вверх, потом вниз, наконец остановилось. Почти весь экран заполняла груша.

Как видно, съемки велись с помощью телеобъектива, о чем профессор забыл упомянуть. Картина стала четче, и, хотя по экрану пролетали время от времени расплывчатые полосы, изображение груши и ее внутренней полости было сносным. Только иногда все бледнело, видимо, из-за отблесков пленка в некоторых местах была засвечена. В зале царила тишина, слышалось лишь поскрипывание кресел. Маурелл внимательно смотрел на экран – он распо- знал замкнутые в груше белесые лежащие фигуры, с минуту все было неподвижно, и тут он впервые заметил движение.

Парень и девушка, видимые сзади и сверху, как двойная статуя, дрогнули. Медленно, чрезвычайно медленно девушка отклонила голову назад, и показалось ее лицо. Глухой вздох раздался в комнате. Вместо лица у лежащей белой фигуры была сплюснутая маска, с которой, будто нехотя, медленно стекали толстые, полиповидные капли. Впечатление, что обе фигуры изготовлены из белого коралла или камня, развеялось – казалось, что они вылеплены из тягучей, густой, как стынущее стекло, массы. Девушка отклонила голову так, что коснулась ею движущейся, словно в каком-то неслыханно замедленном дуновении, белой веточки, заканчивающейся белым шариком ягоды. Потом головы обеих фигур снова, миллиметр за миллиметром, сошлись, и, хотя дальность движения не превышала нескольких сантиметров, все было прекрасно видно, так же как деликатный подъем и опускание торсов, словно они оба дышали. И снова два белых шара голов стали отдаляться друг от друга, но теперь вещество, эта белая масса, из которой они были вылеплены, слиплась, и между лениво отстраняющимися лицами повисли тонкие, рвущиеся мостики – клейкие нити, которые, лопаясь, сворачивались в маленькие шарики, медленно поглощаемые поверхностью масок, заменяющих два лица. Одновременно шевельнулись и стопы любовников, а ладонь девушки, белая, гибкая, передвинулась с затылка мужчины на его шею, и снова, в третий раз, головы мягко встретились, как в поцелуе, и движение это было таким естественным, что кто-то в зале вскрикнул.

Дождь черных линий на минуту прошел экран, потом на сером фоне задрожали смутные пятна, мгновение пустой экран пылал в ярком свете проектора, который тотчас погас, и в зале зажегся свет.

– Прошу всех в зал! – позвал профессор, поднимаясь со своего места. Он был бледен, как и все здесь, хотя наверняка должен был видеть эту картину, и возможно, не единожды.

– В жизни не представлял себе существования чего-то столь ужасного, равно как и непонятного, – сказал кто-то, опираясь на Маурелла, который не спешил к выходу. Постепенно проекционный зал опустел. Из кабины оператора вышел доктор Терманн. Он был без пиджака, лоб его блестел от пота.

– Ты видел, Ежи? – сказал он, беря Маурелла под руку.

Маурелл кивнул.

– Профессор... что он говорит об этом?

– Ничего. По крайней мере, мне он ничего не говорил. Пойдем, уже начинается!

В зале все уже уселись, и Терманну и Мауреллу не нашлось места, они встали у тяжелой бархатной портьеры гнилостно-зеленого цвета. Что-то коснулось плеча Маурелла, он быстро обернулся, но это был лишь конец золотистого шнура портьеры.

– Здесь, на столе, – сказал Виннель, который снова стоял за столом в глубине зала, – собраны все данные, которые нам удалось получить: фотографии, измерения, анализы и так далее. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению этого материала, обработка которого, несмотря на его фрагментарность, займет не менее недели, я хотел бы, коллеги, зачитать вам телефонограмму, только что полученную из Баварии...

По залу прошел шорох.

– Это депеша от доктора Монеггера, который проводит исследования под Обераммергау и к которому я обратился телеграфом немедленно после получения известия о падении второго шара. Мммм, – мурлыкнул профессор, неслышно глотая первые слова послания, и продолжил уже громче: – Так, это начинается здесь: «Тело внеземного происхождения упало в восемь часов сорок две минуты местного времени, – то есть раньше, чем наше, – добавил он, глядя в зал поверх очков, – наблюдаемое во время полета в атмосфере заслуживающими доверия работниками местной метеорологической станции, которые совершали именно в это время измерение скорости ветра, – в виде огненного болида. Тело появилось на северо-востоке, прочертило кривую по небосводу и упало на юго-западе за пределами поля зрения наблюдателей». Это во-первых, – добавил от себя Виннель. – Далее: «Тело, наблюдаемое...» – и так далее

– «упало в пределах хозяйственного участка, принадлежащего крестьянину по имени Юрген Поль, непосредственно перед столкновением с землей срезав верхушку старой липы, росшей в ста шестнадцати метрах от северного угла дома. Хозяйственные постройки состоят...»

– Если эта телеграмма пестрит такими подробностями, вам придется ее читать до утра, коллега Виннель, – сказал толстяк, сидящий во втором ряду кресел. Кто-то засмеялся, другие зашикали.

– Это писал немец, коллега, – ответил Виннель и, не поднимая глаз, продолжал: – Эээм, да, тело – значит – «навылет пробило крышу свинарника, который сразу же запылал, и врезалось в землю в тридцати восьми метрах дальше, в точке, расположенной...» – это неважно, как вытекает из вышеизложенного, траектория полета тела была тангенциальной, а угол падения, опускаю здесь фрагмент, относящийся к вычислению кривой полета, – бросил Виннель, мурлыкнул пару раз и продолжил: – «В месте падения возник выпуклый земной вал правильной круговой формы, из которого вырвался дым, сначала черный, затем переходящий в цвета: грязно-серый, желто-лимонно-серый, белесый, наконец, снежно-белый. Дым поднялся на высоту, оцениваемую в...» – это тоже неважно. Так, далее следует описание пожара всей усадьбы, все сгорело, люди спаслись, погибли пять свиней, в том числе два поросенка...

– Какой породы? – снова вклинился толстяк-юморист, но никто не обратил на это внимания.

– Две курицы... гусь... да. Дальше: «Место падения находилось под непосредственным наблюдением взвода скаутов, которые встали лагерем в четыреста восьмидесяти метрах дальше, у ручья», – и так далее, и так далее, – нетерпеливо повторял профессор, бегая глазами по карточкам, которые поочередно откладывал на стол, – есть! Значит, что говорят эти скауты... сначала характеристика каждого, насколько они заслуживают доверия, а теперь вот: «Когда дым развеялся, удалось увидеть», – извините, я не упомянул, что наблюдение проводилось с расстояния почти полукилометра, но у двух парней были бинокли, – значит: «Удалось увидеть блестящий шар или пузырь, играющий всеми цветами радуги, который вырастал из земли все выше, пропорционально расширяясь при этом, как будто его кто-то надувал»... «продолжалось это более часа. В это время на месте оказались те наблюдатели с метеорологической станции и случайные туристы»... «пожарная охрана тем временем гасила пожар»... так... «был установлен полицейский кордон»... ну а теперь о содержимом шара! – оповестил торжественным голосом Виннель, облизнул пересохшие губы и стал медленно читать: – «Внутри»... так... «из молочной, белой, как отоженная кость массы неизвестного состава и консистенции»... наблюдение затруднено отложением туманных слоев, как бы последовательных наслаиваний, – центральное ядро и три части, местами сплавленные краями, но описанные поочередно для большей ясности...

– Ясность идеальная, – снова не выдержал толстяк в светлом костюме.

– ...«части тел одного поросенка и одной свиноматки вкупе с фрагментами как бы вынутой и реконструированной стены свинарника»... «полное подобие другой свиноматки»... «плавное переходящее в формы двух куриц»... «над этой двучленной группой, около семидесяти сантиметров выше, утопленная в глазури фигурка из аналогичной белой субстанции, изображающая небольшую птицу с раскинутыми крыльями, скорее всего, синицу»... «Вполне возможно, что эта птица непосредственно перед моментом падения тела находилась над самым местом попадания, поскольку поблизости располагаются»... тут какие-то орнитологические наблюдения, для нас малосущественные. Итак, это уже все, что я хотел вам прочитать, коллеги, – сказал Виннель и отложил бумаги на стол.

– И что же дальше? – спросил кто-то из глубины зала.

– Именно этот вопрос я хотел бы поставить перед вами, коллеги, – сказал Виннель. – Наша доблестная армия уже имеет готовый ответ, вплоть до ядерной бомбы включительно. Я

боюсь, что это стекловидное вещество не выдержит ядерного взрыва так, как оно выдержало оружейный обстрел.

– Это правда? – спросили из зала.

– Правда. Бронебойные снаряды – это литые снаряды, без взрывчатого заряда – срикошетили. Несколько из них найдено. Конечно, ни один ученый не смог к ним даже приблизиться. Ладно, оставим это! Итак, ответа у нас пока нет. Напрашивается, конечно, ряд выводов, хотя с их высказыванием следует быть очень осторожными. На основании этих двух случаев возникает такая картина: данные тела обладают способностью создания внутри себя подобий вещей, существ, предметов, которые находились в их окружении во время столкновения с землей. И тогда возникает ряд вопросов: каким образом это происходит? Прилетает ли тело уже готовым к созданию таких подобий или же эта способность возникает лишь после некоторого подготовительного процесса? Ну, и прежде всего: зачем все это делается?

Наступило молчание. Математик Треворс сказал:

– Мы собрались, чтобы составить план исследований и представить его компетентным органам, не так ли? Конечно, нас могут и не выслушать – нас слушают ровно столько, сколько в нас нуждаются, – и скорее всего, шар под Дертексом будет уничтожен. Но останется второй, под Обераммергау, поэтому мы могли бы затем отправиться туда, по крайней мере некоторые из нас, если немцы окажутся благоразумнее наших властей...

– Да, это верно, – сказал Виннель. – Я хотел бы еще... я считаю, что коллеги должны знать точку зрения военных. Она заключается в том, что мы имеем дело с попыткой вторжения.

– Вторжения?!

– Да. Эта гипотеза... ничуть не хуже любой другой... при отсутствии информации. Министерство получило сообщение о падении шара в Баварии почти одновременно с сообщением о падении шара на нашей территории. Они ожидают дальнейших... – э-э-э... – высадок... и готовятся уничтожать каждый падающий объект.

– Но ведь шар не проявляет никакой активности? – сказал кто-то из первого ряда, высокий мужчина, разглядывавший на свет негативы снимков.

– Ну... постольку поскольку. Офицер, который коснулся его на моих глазах, погиб.

– Из-за чего?

– Шок. Так говорят врачи. Мы изучали шар – все животные, которые коснулись его поверхности хотя бы на долю секунды, погибли с проявлениями удара.

– Электрического?

– Нет, скорее, анафилактического. Агглютинация крови – выпадение белка из растворов протоплазмы – как под воздействием колебаний чрезвычайно высокой частоты.

– Шар радиоактивен?

– Нет.

На минуту в зале повисло молчание.

– Вы говорили о подобию, профессор, – подал голос сидевший у стены щуплый, лысый человек, с лицом, покрытым послеоперационными шрамами, – но эти подобию... движутся. Ведь мы видели фильм. Это выглядит так, как если бы падающий объект подсмотрел, если так можно выразиться, не только предметы или живых существ... людей... но также и их движения. Это значит, что они во время этого... наблюдения, этого... копирования, или как еще мы обозначим этот процесс – еще жили. Смерть могла наступить позже безо всякой связи с этим созданием подобий, а лишь в результате близости к месту падения, в результате взрывной волны, жара и так далее.

– Профессор Лаарс, все не так просто, – включился в дискуссию математик, – поскольку случаи попадания или убийства человека или животного падающим метеоритом, обычным метеоритом, чрезвычайно редки, почти исключены. Это следствие того, что поверхность земного шара необычайно велика и, так сказать, пуста в сопоставлении с поверхностью тел живых

существ, которые по ней передвигаются, так что непосредственное попадание в них или падение рядом с ними статистически совершенно неправдоподобно. А потому то, что один шар упал в нескольких метрах от двух людей, а второй так близко к жилой усадьбе, не кажется результатом слепого случая. Но если так, то эти шары передвигаются не как мертвые космические тела, а как управляемые или специально нацеленные объекты.

– Это было бы правдой, знай мы точно, что на Землю упали только эти два шара, – парировал Лаарс, – а если упало их в течение последних сорока восьми часов, скажем, сто, из них четыре пятых – в океаны, а одна шестая – в безлюдных местах и только два там, где их можно наблюдать?

– В таком случае следовало бы ожидать находок этих шаров в труднодоступных местах.

– Согласен с вами. Трудность в том, что мы не знаем, где их искать...

– Я предлагаю сейчас послушать радио, – сказал Виннель, вставая из-за стола, за которым он что-то записывал. – Уже почти половина третьего, и следует ожидать известий о результатах бомбардировки.

– Это планировалось провести ночью?

– Да. Они спешат, им не терпится. Впрочем, не знаю – решения менялись каждые полчаса. Маурелл, вы не переключите радио в кабинете на громкоговоритель в зале?

Маурелл вышел. Вскоре послышались неразборчивые звуки – чуть громче, чуть тише, – сквозь которые вдруг прорвался мужской голос, на мгновение исчез и сразу же вернулся, заполняя весь зал.

– ...размещен в котловане заряд тротила, величина которого не сообщается. Затем саперы отступили на противоположный пояс холмов, откуда дистанционно подорвали заряд. В результате взрыва шар был выброшен в воздух и скатился по склону в котловину. Сейчас проводится интенсивное изучение последствий этой операции.

Диктор сделал паузу.

– Наш корреспондент сообщает из Мюнхена. Работы над исследованием шара, упавшего вчера утром вблизи Обераммергау, идут полным ходом. На место выехало в общей сложности шесть научно-исследовательских групп. Планируется подвергнуть шар воздействию различных типов энергии, в связи с чем рассматривается возможность транспортировки его в ближайший город, где в распоряжении исследователей имелись бы необходимые устройства и приборы. Немецкие ученые оценивают вес шара в пределах от ста девяноста до двухсот двадцати тонн. Поэтому его транспортировка – задача не из легких.

Диктор снова прервался на минуту, в громкоговорителе был слышен шелест переворачиваемых страниц. Пауза затягивалась. Голос диктора зазвучал с новой силой:

– Передаем сообщение, доставленное нам в последнюю минуту. Джакомо Каэлли, который сегодня с товарищами вернулся в Рио-де-Жанейро из экспедиции в глубь бассейна Амазонки, заявил на пресс-конференции, что неподалеку от того места, в котором в Амазонку впадает Путумайо, он обнаружил в джунглях истребленное огнем пространство значительной величины, в котором, на дне выжженного кратера, находилась большая стекловидная глыба, окруженная телами погибших от неизвестной причины животных, как хищников, так и птиц, и даже насекомых. Под прозрачной оболочкой глыбы виднелись барельефы или отлитые в белом металле подобию голов различных животных, мертвые тела которых покоились вокруг. Из-за отсутствия необходимых средств Каэлли не имел возможности проводить исследования этого объекта, а лишь сфотографировал его. Эти снимки вы сможете увидеть в нашей телевизионной программе в восемь тридцать утра. Бейрут. Здесь собрался политический совет...

Громкоговоритель затрещал и умолк.

– Кое-что мы узнали! – сказал Виннель, поднимаясь со стула. – Мне кажется, что профессор Лаарс был прав: следует ожидать новых находок.

– А что это за история с подобию мертвых животных? – спросил кто-то из зала.

– Как, я об этом не сказал? Ну разумеется! Прошу меня извинить, коллеги. В том месте, в котором этот несчастный офицер коснулся шара, возник затем образ или слепок его руки, а точнее, ее негатив – зеркальная копия, наиболее отчетливо проявившаяся ближе к поверхности.

– Можно предположить, что армии известно многое, – сказал кто-то, – если им удалось вскрыть шар...

– Я так не думаю. Они не преминули бы этим похвастаться, – ответил Виннель. – А теперь, господа, приступим наконец к определению плана исследований...

4

Пресс-конференция подходила к концу. Электронные вспышки уже не слепили сидящих за столом. Многочисленные репортеры, журналисты и представители зарубежных агентств толпились под стенами, – некоторые, измученные ожиданием, уселись на пол, вокруг подиума или на ступеньках – уже мало кто записывал, лишь обладатели карманных магнитофонов еще держали тугие мордочки их микрофонов в воздухе, целясь в шефа пресс-отдела Специальной комиссии. Лавина научных материалов ощутимо довлела над собравшимися. На столе громоздились стопки плиток и бумаг с результатами спектрального анализа, поперечными и продольными разрезами, были там образцы шлифов, весовые аналитические сопоставления, цветные диаграммы физических и химических реакций, распределения абсорбции и адсорбции, сравнительные таблицы всех изученных образцов, а на обоих концах стола устремлялись ввысь груды толстых книг в лимонных переплетах – рапорт комиссии. Каждый репортер получил экземпляр этого труда, но немногие отважились полистать толстенный том, как если бы им было мало того, что сказал доктор Хейнз.

Итак, падение шаров продолжалось лишь четверо суток. Уже было известно рассеивание падений на поверхности Земли. Была рассчитана энергия ударов и механизм возникновения так называемого радужного пузыря, который оказался не чем иным, как зародышем с чрезвычайно ускоренным – в период «укоренения» – темпом изменения материи. Известно было, что каждое упавшее создание – хоть и не являлось ни растением, ни животным – жило. Из вбивающегося в землю «яйца» почти со скоростью взрыва возникал «плод», покрытый быстро твердеющим защитным панцирем, способным поразить каждого нападающего. Внутреннее молочное ядро исполняло в организме груши роль центрального органа, управляющего всеми жизненными функциями, его сравнивали – но лишь в целях популяризации возникшей теории, сугубо для дилетантов – с ядром клетки. После периода «взрывного» развития метаболизм груш замедлялся. Через десять месяцев наблюдались первые проявления регрессии – сначала сглаживались контуры внутренних образов, затем они сливались во все более темнеющую вытянутую каплю, вся стекловидная часть груши всасывалась, и наконец на дно пустого уже панциря опадала продолговатая груда черноватой комковатой субстанции величиной с две человеческие головы. На этой стадии разбить внешнюю оболочку было уже совсем легко, а исследования доктора Каррелла и профессора Кадзаки обнаружили, что «черная голова» является чем-то вроде «склероция-зародыша». Она запускает свое развитие тогда и лишь тогда, когда ею выстреливают с большой скоростью в какую-нибудь материальную преграду. Лишь подвергнутый столь жесткому воздействию «зародыш» начинает при высокой температуре удара превращать окружающую материю в стекловидную массу, из которой возникает будущая груша. В свете этих фактов весьма правдоподобной предстала гипотеза Виннеля о том, что груша является живым существом, приспособленным к космическим путешествиям и, более того, к космическим катастрофам, так как лишь одно поколение груш может развиваться на той планете, на которую упало, а его зародыши вынуждены ждать, пусть и миллиарды лет, пока эта планета в результате какого-то катаклизма распадется, и тогда они, смешавшись с метеоритным потоком ее осколков, предпримут дальнейшее путешествие до другого закутка галактики. Астрофизики из Гарварда в связи с этим выразили мнение, что эволюция груш происходила в неслыханно древних эпохах существования Вселенной и что они являются реликтом таких форм жизни, которые существовали за миллиарды лет до возникновения белковой жизни, или же они родом с такой дальней околицы Космоса, в которой планетарные катастрофы являются регулярными и частыми явлениями. Ученые не скрывали удовлетворения: открытие живых организмов, которые могли продолжать свое существование не только в условиях отсутствия катастроф и разрушений, но именно благодаря им, представляло ярчайшее доказательство наи-

высшей приспособляемости жизненных процессов ко всем возможным материальным условиям во Вселенной.

Что касается падения груш на Землю, это следовало считать необычайным, исключительным явлением. Это был какой-то затерявшийся рой, блуждавший в пустоте, вероятно, миллионы лет или даже веков.

Конечно, не все ученые сходились во взглядах. Например, профессор Лаарс считал, что груши являются формой жизни, типичной для планет, вращающихся вокруг периодически пульсирующих звезд – цефеид с большой амплитудой светимости, и даже вокруг периодических Новых звезд, то есть приспособлены, по крайней мере, не для путешествия в Космосе, а попросту могут выдерживать неслыханно высокие температуры, типичные для планет после взрыва их звезды-солнца. Действительно, оказалось, что уже сам нагрев «черной головы» до белого каления вызывает дальнейшее развитие груши. Другие ученые не считали этот эксперимент убедительным. Однако все это были различия мнений, не представлявшие большого интереса для дилетантов.

Когда доктор Хейнз закончил, журналисты бурно атаковали его со всех сторон сотнями вопросов, которые, в сущности, сводились к одному: почему ядро груши создавало подобия объектов, окружавших место ее вылупления?

Доктор Хейнз отвечал с чрезвычайной добросовестностью. Он снова перечислил физико-химические причины, следствием которых является то, что высокомолекулярное ядро груши под влиянием световых волн определенной длины начинает создавать центральный сгусток, вокруг которого послойно откладываются последующие пласты, и эти световые волны, составляющие существенный источник развития, берутся главным образом из ближайшего окружения и тем самым влияют на состав катализаторов, который в известной степени моделирует форму ядра. Эта форма не имеет никакого значения для жизненных процессов груши, наилучшим доказательством чего является то, что она с одинаковой точностью воспроизводит подобия людей, угла дома или части живой изгороди. Зато на ее жизненные функции оказывает существенное влияние движение молочной ядерной субстанции, ибо циркуляция в ее границах обеспечивает надлежащую трансформацию материи, и именно поэтому груша якобы имитирует, по мнению дилетантов, повторяющееся без конца объятие двух людей или трепетание птичьего тельца.

Едва Хейнз закончил, как снова посыпались вопросы. Как следует понимать утверждение, что для груши «несущественна» форма, которую принимает ядро? Почему это ядро принимает форму предметов окружения, а не, к примеру, шара, овоида или другой геометрической фигуры? Почему ядерная циркуляция не является бесформенным кружением – если, как утверждается, форма вторична, – а имитирует движения земных существ?

Казалось, Хейнз обладал нескончаемым запасом терпения. Сначала он подробно представил причины, по которым форма ядра, равно как и направление циркуляции в его пределах не могут иметь никакого влияния на жизненную деятельность этого внеземного организма. Он привел описания экспериментов, в которых развитие груши было инициировано в окружении, лишенном каких-либо выразительных форм, – в герметически закрытом стальном сосуде. Ядро, возникшее в таких условиях, имело точную форму шара, а движения его ограничивались попеременной продольной и поперечной пульсацией. Наконец, он заявил, что наука описывает явления и обобщает их, то есть выводит законы Природы, и не занимается ничем более. Она не отвечает, например, на вопрос, почему Земля является третьей, а не, скажем, четвертой планетой от Солнца, почему Солнце находится в периферическом разрежении Галактики, а не в самом ее центре или почему не бывает людей с розовыми волосами. Солнце могло бы располагаться в центре Галактики, люди могли бы иметь розовые волосы, а груши – создавать ядро в форме тетраэдра. Но это не так. Науки это не касается. Наука занимается тем, что есть, а не тем, что могло бы быть.

Это утверждение взволновало зал. Журналисты, представляющие научные отделы журналов, кричали о биологической целесообразности, которую всегда следует искать. Другие упорно повторяли предыдущие вопросы, формулируя их чуть по-другому. Особенно надрывали глотки представители ежедневных газет – в предчувствии громов, которые обрушат на них жаждущие сенсации редакторы, когда они вернутся с такими объяснениями.

Доктор Хейнз поднял руку, ожидая, пока буря утихнет. После чего заявил, что сказал все, что мог сказать как руководитель пресс-отдела комиссии, которая является *научной* комиссией. Как частное лицо, он прекрасно понимает раздражение собравшихся и частично даже разделяет его. Возможно, кому-то из присутствующих будет интересно, что доктор Амменхепф, протестантский теолог из Швейцарии, утверждает, что стеклообразные груши, подобно людям, существуют во исполнение воли Господней, чтобы Ему служить и славить Его за акт Творения. А значит, и то, что они создают подобия людей, которых отнюдь не по своему желанию убивают при падении на Землю, что эти подобия неустанно повторяют, например, предсмертный, последний поцелуй двух влюбленных, и это также стеклообразные груши делают, согласно доктору Амменхепфу, для того, чтобы служить Господу, ибо каждый служит так, как это ему дано. Это объяснение, по-своему связанное и непротиворечивое, как и любое в принципе объяснение, не носит окончательного характера, но обращается к чему-то высокому, выходя за свои пределы, в данном случае к Создателю. Тем не менее оно не имеет ничего общего с наукой, подобно тому, как ничего общего с религией не имеют структурные формулы соединений, из которых состоят тела груш и людей.

После этих слов меньшая часть публики утихла, а большая, напротив, дружно взревела. На сей раз громче всех кричали научные обозреватели – повторяли свои призывы о биологической целесообразности, а несколько репортеров в углу даже начали их скандировать.

Доктор Хейнз был, что называется, человеком на своем месте. Он снова поднял руку, показывая, что хотел бы говорить, и, когда ему наконец это позволили, сказал, что пятеро из тех, кто требует учитывать биологическую целесообразность обсуждаемого процесса, пришли сюда в рубашках диких расцветок, что с точки зрения борьбы за существование или биологической пригодности представляется фактором несущественным. Скорее, следует считать, что ношение подобных рубашек доставляет этим господам удовольствие. Это очень хорошее объяснение, ибо не все, что делают люди, а также иные живые существа, продиктовано биологической целесообразностью. Так что, если пожелаете, вы можете считать, что создание подобий существ, вблизи которых они проводят свою раннюю молодость, доставляет грушам удовольствие.

Ответом на это был многоголосый рев. Доктор Хейнз обошел стол – другие ученые, сидевшие за ним, удалились намного раньше – и начал складывать и упорядочивать свои бумаги с таким олимпийским спокойствием, словно находился в совершенно пустом зале.

Видимо, он собирался выйти через маленькую дверь в углу, но толпа репортеров заблокировала выход, и Хейнз оказался напротив непроницаемой живой преграды. Он развел руки и улыбнулся.

– Скажу! Хорошо! Скажу! – крикнул он несколько раз. Гомон уменьшился, хотя и не стих совсем. – Вы требуете от меня некой правды, – заявил Хейнз, – однако же правд на самом деле две. Первая – для еженедельников, размещающих большие статьи с виньетками на полях. Стеклообразные груши – это образцы из ботанических садов высокоразвитых звездных существ, которые выращивают их для удовлетворения своих эстетических потребностей. Груши являются их скульпторами и портретистами. Вторая правда, столь же прекрасная, подходит для ежедневной прессы, скажем так, послеобеденной. Груши – это космические чудовища, которым доставляет радость сам акт уничтожения, являющийся одновременно актом их личного зачатия. Последние дни и месяцы своей жизни они наслаждаются, повторяя предсмертные движения собственных жертв. Это все!

С этими словами он нырнул в толпу, размахивая портфелем, стоявшие поблизости на секунду расступились, опасаясь за сохранность своих фотоаппаратов, доктор воспользовался этим и исчез за маленькой дверью. Гвалт в зале стоял такой, что вряд ли кто-то мог расслышать собственные слова. Позади всех стоял некий молодой человек, который не был журналистом и вообще не имел ничего общего с прессой, а на конференцию пробрался, потакая собственному любопытству. Едва Хейнз исчез, юноша выскочил из зала, как ветер пронесся по длинным коридорам и догнал его, когда тот, уже надев плащ, направился к боковому выходу.

– Извините, – закричал молодой человек, – прошу прощения!

– Я уже все сказал, – сухо ответил Хейнз, не прерывая шага. Юноша следовал за ним, и так, один за другим, они прошли через сад. Хейнз подошел к своему автомобилю, тесно зажатому в ряду точно таких же.

– Извините, – повторил молодой человек, когда Хейнз начал искать в кармане ключи, – я... не журналист, я вообще не из прессы, но...

Во взгляде Хейнза проскочила искра заинтересованности.

– Так чего же вы хотите?

– Хочу знать...

Хейнз пожал плечами. Вставил ключ в замок.

– Я уже все сказал, – повторил он.

– Но вы, вы сами...

– Я?

Хейнз, уже склонившийся к открытой дверце автомобиля, выпрямился. У молодого человека были пронзительные голубые глаза; сейчас они уставились на него в ожидании чуда. Хейнз смущенно потупился перед беспредельным доверием этого взгляда.

– Извините, но ведь речь шла вовсе не об этой груше, – сказал он.

– Не о...

– Конечно. Этот вопрос точно так же относится к растениям, к животным, к людям – ко всем существам. Мы ведь не думаем об этом каждый день, потому что привыкли к жизни, к нашей жизни, такой, какой есть. И понадобились чужие, иные организмы с другими формами, функциями, чтобы мы открыли его по-новому – еще раз.

– Ах! – тихо сказал молодой человек. – Значит, речь идет о смысле...

– Разумеется, – кивнул Хейнз. – Действительность, извините, не так наивна, как сказочка о галактических садах, да и не так ужасна, как небылица о чудовищах, которую я выдумал, но иногда она становится невыносимой из-за того, что отказывается отвечать на этот вопрос... Прощайте.

Он хлопнул дверцей и выехал из ряда блестящих автомобилей. Молодой человек еще долго смотрел вслед ему, даже когда он бесследно растворился в уличном движении.

Друг²

Я хорошо помню обстоятельства, при которых познакомился с Харденом. Это случилось через две недели после того, как я стал помощником инструктора в нашем клубе. Я очень дорожил этим назначением, потому что был самым молодым членом клуба, а Эггер, инструктор, сразу же, в первый день моего дежурства в клубе, заявил, что я вполне интеллигентен и настолько разбираюсь во всей лавочке (так он выразился), что могу дежурить самостоятельно. И действительно, он тут же ушел. Я должен был дежурить через день до шести, консультировать членов клуба по техническим вопросам и выдавать им карточки QDR по предъявлении билетов с уплаченными взносами. Как я уже сказал, я был очень доволен своим постом, однако вскоре сообразил, что для выполнения моих обязанностей совершенно не нужно знать радиотехнику, потому что никто не обращался за консультацией. Здесь можно было бы обойтись простым служащим, однако такому клуб должен был платить, я же дежурил даром и не только не имел от этого никакой корысти, а напротив, терпел ущерб, если учесть вечное брюзжание матери, которая требовала, чтобы я сиднем сидел дома, когда ей хотелось пойти в кино и оставить малышей на моем попечении. Из двух зол я предпочитал дежурства. Внешне наше помещение выглядело вполне прилично. Стены были сверху донизу увешаны квитанциями радиосвязи со всего света и пестрыми плакатами, скрывавшими подтеки, а возле окна в двух застекленных шкафчиках помещалась кое-какая коротковолновая аппаратура старого типа. Была у нас и мастерская, переделанная из ванной, без окна. В ней нельзя было работать даже вдвоем, не рискуя выколоть друг другу глаза напильниками. Эггер, по его словам, питал ко мне огромное доверие, однако не столь огромное, чтобы оставить меня наедине с содержимым ящика письменного стола. Он выгреб оттуда все подчистую и унес к себе, не оставив даже писчей бумаги, так что мне приходилось вырывать листки из собственных тетрадок. В моем распоряжении находилась печать, хотя я и слышал, как Эггер сказал председателю, что ее, собственно, следовало бы прикрепить цепочкой к ящику стола. Я хотел использовать время для сборки нового приемника, но Эггер запретил уходить в часы дежурства в мастерскую – как бы, мол, кто-нибудь не забрался в клуб и не стянул что-либо. Это было чистейшей воды вздором – хлам в шкафчиках не представлял никакой ценности, – но я не сказал этого Эггеру, потому что он вообще не признавал за мной права голоса. Теперь я вижу, что чересчур с ним считался. Он без зазрения совести эксплуатировал меня, но этого я тогда еще не понимал.

Не помню, в среду или в пятницу появился впервые Харден, – впрочем, это безразлично. Я читал очень интересную книгу и злился: в ней не хватало множества страниц. Все время нужно было о чем-то догадываться, и я опасался, что самого важного в итоге не окажется, а тогда все чтение пойдет насмарку – обо всем не догадаешься. Внезапно послышался робкий стук. Это очень удивило меня, так как двери всегда были открыты настежь. Наш клуб обосновался в бывшей квартире. Кто-то из радиолюбителей говорил мне, что в такой скверной квартире никто не хотел ютиться. Я крикнул «войдите», и вошел посторонний, которого я никогда не видал. Я знал если не по фамилии, то по крайней мере в лицо всех членов клуба. Незнакомец стоял в дверях и смотрел на меня, а я разглядывал его, сидя за письменным столом; так мы созерцали друг друга некоторое время. Я спросил, чего он хочет, и подумал, что если бы этот человек пожелал вступить в клуб, то у меня не нашлось бы даже вступительного формуляра: их тоже забрал Эггер.

– Здесь клуб коротковолновиков? – спросил вошедший, хотя это было написано на дверях и на воротах.

– Да, – ответил я, – что вам угодно?

² Przyjacieli, 1958. © Перевод. Ф. Широкова //

Но вошедший как будто не слышал вопроса.

– А... простите, вы тут работаете? – спросил он, сделал два шага в мою сторону, ступая словно по стеклу, и поклонился.

– Дежурю, – ответил я.

– Дежурите? – переспросил он как бы в глубоком раздумье. Улыбнулся, потер подбородок полями шляпы, которую держал в руке (не помню, видел ли я когда-либо такую поношенную шляпу), и, все еще стоя как бы на цыпочках, выпалил одним духом, словно опасался, что его прервут: – Ага, так здесь дежурите вы, понимаю, это большая честь и ответственность, в юные годы мало кто этого достигает по нынешним временам, а вы всем ведаете, так, так. – При этом он сделал рукой, в которой держал шляпу, плавный жест, охватывающий всю комнату, точно в ней помещались бог весть какие сокровища.

– Не так-то уж я молод, – сказал я. Этот тип начинал меня немного раздражать. – А нельзя ли узнать, что вам угодно? Вы член нашего клуба? – Я задал этот вопрос умышленно, зная, что это не так, и действительно, незнакомец смутился, снова потер шляпой подбородок, спрятал ее за спину и, забавно семеня, подошел к письменному столу. Нижний ящик, куда, услышав стук, я сунул книгу, был открыт. Понимая, что от такого назойливого субъекта быстро не избавишься, я задвинул ящик коленом, вынул из кармана печать и принялся раскладывать чистые листки бумаги, дабы он видел, как я занят.

– О! Я не хотел вас обидеть! Не хотел! – воскликнул он и тут же понизил голос, беспокойно оглядываясь на дверь.

– Так, может быть, вы скажете, что вам угодно? – сухо спросил я, потому что мне все это надоело.

Он оперся рукой о письменный стол, держа другую, со шляпой, за спиной, и наклонился ко мне. Только теперь я сообразил, что ему, должно быть, немало лет, пожалуй, за сорок. Изда-лека это не бросалось в глаза, у него было худое, неопределенное лицо, какое иногда бывает у блондинов, у которых не заметно седины.

– К сожалению, я не являюсь членом клуба, – сказал он. – Я... видите ли, в самом деле питаю огромное уважение к тому, что делаете вы и все ваши коллеги, но мне, увы, не хватает подготовки! Мне всегда хотелось приобрести знания, но, к сожалению, не удалось. Моя жизнь сложилась кое-как...

Он запнулся и умолк. Казалось, он вот-вот расплчется. Мне стало не по себе. Я промолчал и начал прикладывать печать к пустым листкам, не глядя на него, хотя чувствовал, что он все ниже наклоняется надо мной и, пожалуй, хочет обогнуть стол, чтобы подойти ко мне. Я делал вид, будто ничего не замечаю, а он принялся громко шептать, в чем, по-видимому, не отдавал себе отчета:

– Я знаю, что помешал вам, и сейчас уйду... У меня есть одна... одна просьба... Я рассчитываю на вас... едва смею рассчитывать на вашу снисходительность... Человек, который предается такой важной работе, такому бескорыстному служению всеобщему благу, быть может, поймет меня, может быть... я не... смею надеяться...

Я совсем одурел от этого шепота и все продолжал прикладывать печать, но с ужасом видел, что листки скоро кончатся и я не смогу таращиться на пустой стол, а на незнакомца я не хотел смотреть: он расплывался передо мной.

– Я хотел бы... хотел бы, – повторил он раза три, – просить вас не о... то есть об услуге, о помощи. Одолжите мне одну мелочь... однако сначала я должен представиться. Моя фамилия Харден... Вы меня не знаете, но, боже мой, откуда же вам меня знать...

– А вы меня знаете? – спросил я, не поднимая головы, и дыша на печать.

Харден так испугался, что долго не мог ответить.

– Случайно... – пробормотал он наконец. – Случайно видел, у меня были... были дела тут, на этой улице, поблизости, рядом, то есть недалеко от этого дома... Но это ничего не

значит. – Он говорил горячо, словно для него имело громадное значение убедить меня, что он говорит правду. У меня от этого шумело в голове, а он продолжал: – Моя просьба может показаться вздорной, но... Я хочу попросить вас, разумеется со всевозможными гарантиями, одолжить мне один пустяк. Это вас не затруднит. Речь идет... идет о проводе. С вилками.

– Что вы говорите? – спросил я.

– Провод с вилками, – воскликнул он почти в экстазе. – Немного, несколько... с дюжину метров и вилки... восемь... нет, двенадцать – сколько можете. Обязательно отдам. Вы знаете, я живу на одной с вами улице, дом номер восемь...

«А откуда вы знаете, где я живу?» – хотел я спросить, но в последний момент прикусил язык и сказал по возможности безразличным голосом:

– Мы не выдаем провод напрокат. Впрочем, разве это уж такая редкость? Ведь его можно достать в любом электротехническом магазине.

– Знаю! Знаю! – воскликнул он. – Но, пожалуйста, поймите меня! Прийти, как пришел я... сюда... очень тяжело, но у меня нет выхода. Этот провод мне очень нужен, и, собственно, не для меня, нет. Он... он нужен другому. Он... эта... особа... не имеет... средств. Это мой... друг. У него... ничего нет... – произнес Харден снова с таким видом, точно собирался расплакаться. – Я, к сожалению, теперь... такие вилки продают только дюжинами, вы знаете. Прошу вас, может быть, вы, с вашим великодушием... обращаюсь к вам, потому что не имею... Потому что никого не знаю...

Некоторое время он молчал и только тяжело дышал, как бы от избытка чувств. От всего этого меня прошиб пот, и я хотел одного: избавиться от этого человека. Я мог бы просто не дать ему этот провод, и тогда все бы кончилось. Но я был заинтригован. Впрочем, может быть, мне хотелось немного помочь ему, из жалости. Я еще хорошенько не знал, как ко всему этому отнестись, но в мастерской хранилась моя собственная старая катушка, с которой я мог делать что хотел. Вилок, правда, у меня не было, но целая куча их лежала на столике. Никто их не считал. Конечно, они не предназначались для посторонних, но я решил, что в конце концов один раз можно сделать исключение.

– Погодите, – сказал я, пошел в мастерскую и принес оттуда провод, кусачки и вилки.

– Подойдет вам этот провод? – спросил я. – Другого у меня нет.

– Конечно, я... я думаю, будет в самый раз.

– Сколько надо? Двенадцать? Может быть, двадцать метров?

– Да! Двадцать! Если можно...

Я отмерил на глаз двадцать метров, отсчитал вилки и положил на письменный стол. Харден спрятал все в карман, а у меня мелькнула мысль, что Эггер, узнай он об этих вилках, поднял бы шум на весь клуб. Мне бы он, конечно, ничего не сказал, я видел его насквозь – интригана, фарисея и, в сущности, труса. Харден отпрянул от стола и сказал:

– Молодой человек... извините, сударь... Вы сделали большое, доброе дело. Я знаю, что моя нетактичность и то, как я тут к вам... могли бы создать превратное впечатление, но, уверяю вас, уверяю, это было крайне необходимо! Речь идет о деле, в котором участвуют хорошие, честные люди. Не могу даже выразить, как тягостно мне было прийти, но я питал надежду – и не ошибся. Это отрадно! Весьма отрадно!

– Будем считать, что вы взяли на время? – спросил я. Меня беспокоил срок возврата, и, если бы он не скоро их мне возвратил, я принес бы нужное количество собственных вилок.

– Разумеется, на время, – подтвердил Харден, выпрямляясь с каким-то старомодным достоинством и прижимая шляпу к сердцу. – Я, то есть не во мне суть... Мой друг будет вам чрезвычайно признателен. Вы... вы даже не представляете себе, что такое *его признательность*... Полагаю даже, что...

Он поклонился.

– Я скоро все верну – с благодарностью. Когда?.. В данную минуту, увы, не могу сказать. Я сообщу, с вашего разрешения. Вы – простите – бываете тут через день?

– Да, по понедельникам, средам и пятницам.

– А смогу ли я когда-нибудь... – начал еле слышно Харден. Я испытующе посмотрел на него, и это, по-видимому, его обескуражило, так как он ничего не сказал, а только поклонился, надел шляпу, еще раз поклонился и вышел.

Я остался один. Впереди был почти час времени, я попробовал читать, но тут же отложил книгу, потому что не мог понять в ней ни единого слова. Этот визит и сам посетитель выбили меня из колеи. Он выглядел очень бедно, башмаки, начищенные до блеска, так потрескались, что жалко было смотреть. Карманы пиджака отвисли, словно он постоянно носил в них какие-то тяжелые предметы. Впрочем, кое-что я мог бы рассказать на этот счет. Больше всего меня поразили два обстоятельства – оба они касались меня. Во-первых, Харден сказал, что знает меня в лицо, потому что бывал по делам недалеко от клуба, что, конечно, могло случиться, хоть мне и показался странным испуг, с которым он это растолковывал. Во-вторых, он жил на той же самой улице, что и я. Слишком уж много случайностей. В то же время я отчетливо видел, что по своей природе этот человек не способен запутанно лгать или вести двойную игру. Любопытно, что, размышляя подобным образом, я только под конец задумался над тем, для чего же, собственно, ему потребовался провод. Я даже удивился, что так поздно об этом подумал. Харден совершенно, совершенно не походил на человека, который занимается изобретениями или хотя бы мастерит что-то для собственного удовольствия, впрочем, он сказал, что провод нужен не ему, а его другу. Все это как-то не вязалось.

На следующий день я пошел после уроков посмотреть дом номер восемь. Фамилия Хардена, разумеется, фигурировала в списке жильцов. Я завязал разговор с дворником, стараясь не возбудить подозрений, и выдумал целую историю о том, что якобы должен давать частные уроки племяннику Хардена и потому интересуюсь, способен ли он платить. Харден, по словам дворника, служил в центре города, в какой-то большой фирме, на работу уезжал в семь, а возвращался в три. За последнее время все изменилось, он стал возвращаться все позднее, случалось даже, что и вообще не ночевал дома. Дворник даже как-то спросил Хардена об этом, но тот ответил, что берет сверхурочную и ночную работу, так как ему нужны деньги к празднику. Однако что-то незаметно, сделал заключение дворник, чтобы такой напряженный труд много дал Хардену: как был он беден, словно церковная мышь, так бедняком и остался. Последнее время запаздывал с квартплатой, праздников вовсе не справлял, в кино не ходил. К сожалению, дворник не знал названия фирмы, в которой служил Харден, а я предпочел не расспрашивать слишком долго, так что разведка принесла мне не очень обильный урожай.

Признаюсь, я с нетерпением ожидал понедельника. Я чувствовал, что затевается нечто необычайное, хотя и не мог понять, что же, собственно, произойдет. Пробовал представить себе различные варианты, например, что Харден работает над изобретением или занимается шпионажем, но это абсолютно не вязалось с его персоной. Я убежден, что он не отличил бы диода от пентода и был менее, чем кто-либо другой в мире, способен выполнить задание иностранной разведки.

В понедельник я пришел на дежурство раньше времени и прождал два часа с растущим нетерпением.

Харден появился, когда я уже собирался уходить. Он вошел как-то торжественно, поклонился у порога и подал мне руку, а потом небольшой пакет, аккуратно завернутый в белую бумагу.

– Добрый день, молодой человек. Рад, что застал вас. Хочу поблагодарить вас за вашу доброту. Вы меня выручили в весьма сложном положении. – Он говорил уверенно, казалось, что он заранее все это сочинил. – Тут все, что вы любезно мне одолжили. – Он указал на сверток, который положил на стол.

Мы оба стояли. Харден поклонился еще раз и сделал движение, как бы собираясь уйти, но остался.

– Стоит ли говорить о пустяках, – сказал я, желая ободрить его. Я думал, что Харден начнет горячо возражать, но он ничего не сказал и лишь хмуро смотрел на меня, потирая подбородок полями шляпы. Я заметил, что шляпу старательно чистили, однако без особых результатов.

– Как вы знаете, я не состою членом клуба... – проговорил Харден, неожиданно подошел к письменному столу, положил на него шляпу и, понизив голос, продолжал: – Не осмеливаюсь снова утруждать вас. Вы и так много для меня сделали. Все же, если вы согласитесь уделить мне пять минут, никак не больше... Речь идет не о материальной помощи, боже упаси! Понимаете, у меня нет соответствующего образования, и я не могу с этим справиться.

Я не понимал, к чему он клонит, но был сильно заинтригован и, чтобы придать ему смелости, сказал:

– Ну, конечно, я помогу вам, если буду в силах.

Он молчал, ничего не отвечая и не двигаясь с места, поэтому я наугад добавил:

– Речь идет о каком-нибудь аппарате?

– Что? Что вы говорите?! Откуда, откуда вы... – выпалил перепуганный Харден, как если бы я сказал нечто неслыханное. Казалось, он хочет попросту удрать.

– Но ведь это ясно, – по возможности спокойно ответил я, стараясь улыбнуться. – Вы одалживали у меня провод и вилки, а стало быть...

– О, вы необычайно проницательны, крайне проницательны, – в словах Хардена звучало не одобрение, а скорее испуг. – Нет, никоим образом, то есть вы ведь человек чести, не правда ли? Могу ли, смею ли я просить вас... То есть, одним словом, не пообещаете ли вы мне, что никому... что сохраните все, о чем мы говорим, в тайне?

– Да, – ответил я решительным тоном и, чтобы убедить его, добавил: – Я никогда не нарушаю данного слова.

– Я так и думал. Да! Я был в этом убежден! – сказал Харден, сохраняя хмурое выражение лица и не глядя мне в глаза. Еще раз потер подбородок и прошептал: – Знаете... есть кое-какие помехи. Не знаю почему. Не могу понять. То почти хорошо, то ничего не разберешь.

– Помехи, – повторил я, потому что он умолк, – вы имеете в виду помехи приема?

Я хотел добавить: «У вас есть коротковолновый приемник», но успел произнести только: «У вас...», как он вздрогнул.

– Нет, нет, – прошептал Харден. – Речь идет не о приеме. Кажется, с ним *что-то* *стряслось*. Впрочем, откуда мне знать! Может, он просто не хочет со мной говорить.

– Кто? – снова спросил я, потому что перестал понимать Хардена; тот оглянулся и еще тише сказал:

– Я принес это с собой. Схему, вернее, часть схемы. Я, знаете ли, не имею права, то есть не совсем имею право показывать ее кому бы то ни было, но в последний раз получил разрешение. Это не моя работа. Вы понимаете? Мой друг, речь идет, собственно, о нем. Вот рисунок. Не сердитесь, что нарисовано так плохо, я пытался изучать различные специальные книги, но это не помогло. Все надо изготовить, сделать в точности так, как нарисовано. Я бы уж позаботился обо всем необходимом. Все уже есть, я раздобыл. Но мне этого не сделать! С такими руками, – он вытянул их, худые желтые пальцы дрожали перед моим лицом, – вы же сами видите! В жизни я ни с чем подобным не сталкивался, мне и инструмента не удержать, такой я неумелый, а тут нужна сноровка! Речь идет о жизни...

– Быть может, вы покажете мне рисунок, – медленно проговорил я, стараясь не обращать внимания на его слова, и без того он слишком смахивал на помешанного.

– Ах, простите... – пробормотал Харден.

Он расстелил на письменном столе кусок плотной бумаги для рисования, накрыл его обеими руками и тихо спросил:

– Нельзя ли закрыть дверь?

– Разумеется, можно, – ответил я, – часы дежурства уже кончились. Можно даже запереть на ключ, – добавил я, вышел в коридор и умышленно громко, чтобы он слышал, два раза повернул в замке ключ. Я хотел завоевать доверие Хардена.

Вернувшись в комнату, я сел за письменный стол и взял в руки рисунок. Он никак не походил на схему. Он вообще ни на что не походил, разве что на детские каракули: попросту нарисованы соединенные между собой квадраты, обозначенные буквами и цифрами, – не то распределительный щит, не то какой-то телефонный коммутатор, изображенный так, что волосы вставали дыбом. Символы не использовались, конденсаторы и дроссели были набросаны «с натуры», словно их рисовал пятилетний ребенок. Смысла во всем этом не было ни на грош, поскольку оставалось неизвестным, что означают эти квадратики с цифрами. Тут я заметил знакомые буквы и числа обозначения различных катодных ламп. Всего их было восемь. Но это не был радиоаппарат. Под квадратиками располагались прямоугольнички с цифрами, которые уже ничего мне не говорили; там же виднелись и греческие буквы – а все вместе выглядело как какой-то шифр или просто как рисунок сумасшедшего.

Я разглядывал эту мазню довольно долго, слыша над собой громкое дыхание Хардена. Я не мог даже приблизительно уловить идею аппарата в целом, но продолжал изучать рисунок, чувствуя, что из Хардена больше ничего не вытянешь, а стало быть, придется обойтись тем материалом, который лежал передо мной. Не исключено, что если я нажму на Хардена и потребую показать и разъяснить кое-что, то он перепугается и сбежит. И так уж он оказал мне большое доверие. Поэтому я решил начать с рисунка. Единственная понятная часть напоминала фрагмент каскадного усилителя, но скорее это был мой домысел, поскольку, как я уже сказал, все в целом представляло собой нечто совершенно неизвестное и запутанное. Была подводка тока с напряжением в 500 вольт – настоящий бред радиотехника, которого мучают кошмары. Имелись также надписи, которые должны были, по-видимому, служить руководством тому, кто бы собрал эту установку, например, замечания о материале, из которого следовало изготовить распределительный щит. Присмотревшись как следует к этой путанице, я обнаружил нечто удивительное: наклонные прямоугольнички, стоящие на ножках и обрамленные шторками, что-то вроде колыбелек. Я спросил Хардена, что это такое.

– Это? Это будут экраны, – ответил он, показывая пальцем на другой точно такой же прямоугольничек, в который действительно было вписано мелкими буквами слово «экран».

Меня это просто сразило. Скорее всего, Харден совершенно не отдавал себе отчета в том, что слово «экран» означает в электротехнике нечто совершенно иное, чем в обыденной жизни, и там, где речь шла об экранировании отдельных элементов аппаратуры, то есть об отделении друг от друга электромагнитных полей заслонками, или экранами, из металла, со святой наивностью нарисовал экранчики, которые видел в кино!

И в то же время в нижнем углу схемы располагался фильтр высоких частот, подключенный совершенно новым, неизвестным мне способом, необычайно остроумно – это была просто первоклассная находка.

– Вы сами это рисовали? – спросил я.

– Да, я. А что?

– Тут есть фильтр, – начал я, указывая карандашом, но он прервал меня:

– Простите, я в этом не разбираюсь. Я рисовал, следуя указаниям. Мой друг... он, стало быть, является в некотором смысле автором...

Харден умолк. Внезапно у меня блеснула идея.

– Вы общаетесь с ним по радио? – спросил я.

– Что? Конечно, нет!

– По телефону? – непоколебимо выпрашивал я. Харден внезапно начал дрожать.

– Что... что вам нужно? – пролепетал он, тяжело опираясь на стол. Казалось, ему делается дурно. Я принес из мастерской табурет, на который он опустился, словно одряхлев за время разговора.

– Вы с ним встречаетесь? – спросил я. Харден медленно наклонил голову.

– Почему же вы больше не пользуетесь его помощью?

– О, это невозможно... – сказал он, неожиданно вздохнув.

– Если ваш друг находится не здесь и с ним нужно объясняться на расстоянии, то я могу одолжить вам мой радиоаппарат, – сказал я не без умысла.

– Но это ничего не даст! – воскликнул Харден. – Нет, нет. Он действительно здесь.

– Почему же он сам не зайдет ко мне? – бросил я. Лицо Хардена исказила какая-то спазматическая улыбка.

– Это невозможно. Он не является... его нельзя... Поверьте, это не моя тайна, я не имею права ее выдать... – неожиданно горячо сказал Харден с такой доверчивостью, что я поверил в его искренность. От напряжения у меня разламывалась голова, но я не мог уразуметь, о чем идет речь. Одно было абсолютно ясно: Харден совершенно не разбирался в радиотехнике, а схема была творением друга, о котором он выражался столь туманно.

– Послушайте, – неторопливо начал я, – что касается меня, то можете быть полностью уверены в моем умении хранить тайны. Я не хочу даже спрашивать, что вы делаете и для чего это предназначено, – я указал на рисунок, – но, чтобы помочь вам, мне надо, во-первых, скопировать рисунок, а во-вторых, мою копию должен просмотреть ваш друг, который, по-видимому, знает в этом толк...

– Это невозможно... – прошептал Харден. – Я... я должен был бы оставить вам рисунок?

– А как же иначе? Вам надо смонтировать этот аппарат, не так ли?

– Я... я бы принес все, что нужно, если вы позволите, – сказал Харден.

– Не знаю, выйдет ли, – сказал я, – удастся ли это осуществить.

Когда я взглянул на Хардена, тот выглядел совершенно подавленным. Губы у него дрожали, он заслонил их шляпой. Мне стало очень жаль его.

– Впрочем, можно попробовать, – сказал я равнодушно, – хотя, следуя столь неточной схеме, вряд ли можно смастерить что-либо путное. Пусть ваш друг просмотрит схему или, черт побери, просто перерисует ее толково.

Посмотрев на Хардена, я понял, что требую невозможного.

– Когда я могу зайти? – спросил он наконец.

Мы условились, что он придет через два дня. Харден почти вырвал рисунок у меня из рук, спрятал его во внутренний карман и окинул комнату невидящим взглядом.

– Я, пожалуй, пойду. Не буду... не хочу отнимать у вас время. Очень благодарен, до свидания. Я приду, стало быть, если можно. Но никто... никто... никому...

Я еще раз обещал ничего не говорить, удивляясь собственному терпению. Выходя, он неожиданно остановился.

– Извините... я еще раз осмелюсь. Вы не знаете, случайно, где можно достать желатин?

– Что?

– Желатин, – повторил он, – обычный сухой желатин в листах, кажется...

– Скорее всего, в продовольственном магазине, – посоветовал я.

Харден еще раз поклонился, горячо поблагодарил меня и вышел. Я подождал минуту, пока не утихли его шаги на лестнице, запер клуб и пошел домой, настолько погруженный в раздумье, что натыкался на прохожих. Дело, за которое я, пожалуй, легкомысленно взялся, не вызывало во мне восторга, но понимал, что участие в постройке этого злосчастного аппарата – единственный способ узнать, что же, собственно, предпринимают Харден и его загадочный друг. Дома я взял несколько листов бумаги и попробовал нарисовать странную схему, которую

показал мне Харден, но мне почти ничего не удалось вспомнить. Наконец я разрезал бумагу на куски и написал на них все, что знал об этой истории; просидев над листками до вечера, я попытался сложить из них что-либо осмысленное. Не очень-то мне это удалось, хотя должен сказать, что дал волю фантазии и, не колеблясь, выдвигал самые неправдоподобные гипотезы, вроде того, что Харден поддерживает радиосвязь с учеными какой-то другой планеты, как в рассказе Уэллса о хрустальном яйце. Но все это как-то не вязалось. Наиболее очевидное, напрашивающееся заключение, что я имею дело с обыкновенным сумасшедшим, я отбросил: во-первых, потому, что в чудачествах Хардена было слишком много методичности, а во-вторых, потому, что так, без сомнения, звучал бы приговор огромного большинства людей во главе с Эггером. Когда я уже ложился спать, мелькнула догадка, заставившая меня подпрыгнуть. Я удивлялся, почему не подумал так сразу, настолько все это было очевидно. Неведомый друг Хардена, скрывающийся за его спиной, был слепым! Некий профессионал-электрик, слепой, возможно, даже хуже, чем слепой! Когда я быстро перебрал в памяти некоторые замечания Хардена, а главное – представил себе жалостливую улыбку, с которой он встретил мое предложение, чтобы его друг зашел сам, я пришел к заключению, что неизвестный полностью парализован. Какой-то старый, вероятно, очень старый, человек, много лет прикованный к постели, в вечном мраке, окружающем его, придумывает изумительные приборы. Единственный друг, услугами которого он может при этом пользоваться, совершенно несведущ в электротехнике. Старик, конечно, со странностями, подозрителен и опасается, что его секрет могут выкрасть. Гипотеза эта показалась мне вполне правдоподобной. Оставалось лишь несколько неясных мест: для чего потребовался провод и вилки. Я не замедлил тщательно исследовать эти пункты. Провод был разрезан на куски разной длины – по два, два с половиной, три и четыре метра, у вилок (совершенно новых, неиспользованных, когда я вручил их Хардену) была сорвана нарезка, а из некоторых торчали отдельные волоски медной проволоки. Значит, провод был использован не только как предлог, чтобы завязать со мною знакомство.

Кроме того, желатин. Зачем ему понадобился желатин? Чтобы приготовить своему другу какое-нибудь желе, клей? Я сидел в темноте на кровати настолько взбудораженный, словно в эту ночь вообще не собирался спать. «Листы сухого желатина» – ведь из такого количества желатина можно сделать желе для кита. Харден не разбирался в пропорциях? Или просто хотел направить мою пытливость по ложному пути? Можно назвать этот отвлекающий маневр «желатин»? Но подобной хитрости от Хардена нельзя было ожидать – он органически был к ней не способен. Размазня физически и духовно, он даже убить муху готовился бы, наверное, со смесью страха, колебаний и таинственности, как к самому страшному преступлению. Стало быть, этот ход подсказал ему «друг»? Неужели он придумал весь разговор заранее? Со всеми недомолвками и оговорками, которые расточал Харден? Это было заведомо невозможно. Я чувствовал, что чем тщательнее анализирую все мелочи, все подробности дела, вроде этого несчастного желатина, тем больше погружаюсь во мрак, хуже того, обычные на первый взгляд элементы логически приводили к абсурду. А когда я вспомнил слова Хардена о «помехах», о том, что он не может объясниться с другом, меня охватывала тревога. Я представил себе – что же еще могло прийти мне в голову? – старика, совершенно беспомощного, слепого, наполовину вышедшего из ума, его дряхлое тело в конуре на темном чердаке, отчаянно незащищенное существо, в мозгу которого, охваченном вечной тьмой, мелькают фрагменты призрачной аппаратуры, а Харден, смешной и верный, напрягает все силы, чтобы из обрывистого бормотанья, из хаотичных замечаний, прорывающихся сквозь мрак и безумие, создать вечное, как памятник, как завещание, целое. Подобные мысли роились в моей голове в ту ночь; вероятно, меня лихорадило. Впрочем, всего нельзя было объяснить безумием; мелкая, но совершенно необычная деталь – конструкция фильтра высоких частот – красноречиво говорила специалисту, что он имеет дело – что тут скрывать – с гениальным творением.

Я решил, что буду держать в памяти схему аппаратуры, которую обещал собрать, и, успокоенный сознанием, что у меня в руках есть нить, которая укажет путь в этом лабиринте, заснул.

Харден, как мы условились, пришел в среду, нагруженный двумя портфелями, полными деталей, и еще трижды ходил домой за остальными. Заняться монтажом мы решили после моего дежурства – так мне было удобнее. Увидев все эти детали, особенно лампы, я понял, как дорого они стоили, – и этот человек одалживал у меня двадцать метров провода?! Мы принялись за дело, распределив между собой работу. Я отмечал на эбонитовой пластине места, где нужно было просверлить отверстия, а Харден возился с дрелью. У него ничего не получалось. Мне пришлось показать ему, как держать корпус дрели и крутить ручку. Харден сломал два сверла, прежде чем этому научился. Я тем временем внимательно проштудировал схему и быстро сообразил, что в ней было много бессмысленных соединений. Это подтверждало мою гипотезу: либо замечания «друга» были столь путаны и неясны, что Харден не мог в них разобраться, либо же сам «друг», охваченный временным помрачением, путался в собственном замысле. Я сказал Хардену об этих неверных соединениях. Тот сперва не поверил, но когда я в доступной форме растолковал, что монтаж по этой схеме попросту приведет к короткому замыканию, к тому, что перегорят лампы, Харден испугался. Он слушал долгое время в полном молчании, с дрожащими губами, которых даже не заслонил, как обычно, полями шляпы. Потом засуетился, с неожиданным приливом энергии схватил со стола схему, накинул пиджак, попросил, чтобы я подождал минутку, полчасика, повторил еще раз свою просьбу уже в дверях и помчался в город. Наступили сумерки, когда он вернулся, успокоенный, но запыхавшийся, словно бежал всю дорогу. Он сказал мне, что все в порядке, что так и должно быть, как нарисовано, что я, конечно, не ошибаюсь, однако то, о чем я говорил, было предусмотрено и учтено.

Уязвленный, я хотел было в первую минуту просто бросить работу, но, поразмыслив, пожал плечами и дал Хардену новое задание. Так прошел первый вечер. Харден добился некоторого успеха, его внимание и терпеливость были прямо-таки невероятны, я видел, что он не только старается выполнять мои указания, но и пытается освоить все манипуляции, вроде монтажа шасси и пайки концов, точно хочет заниматься этим и в будущем. По крайней мере, мне так казалось. «Ага, подглядываешь за мной, – подумал я, – вероятно, тебе велели приобрести сноровку в радиотехнике, значит, и мне можно нарушить лояльность». Я намеревался набросать по памяти всю схему, выйдя на минутку под деликатным предлогом, так как Харден не выпускал рисунок из рук и разрешал смотреть на него только под своим контролем, за что, впрочем, тысячу раз извинялся, но все же стоял на своем. Я чувствовал, что это фантастическое стремление сохранить тайну исходит не от него самого, а навязано ему и чуждо его натуре. Однако, когда я попробовал выйти из мастерской, он загородил дорогу и, глядя мне в глаза, горячо прошептал, чтобы я дал обещание, поклялся, что не буду пытаться скопировать схему ни сейчас, ни в дальнейшем, никогда. Это меня возмутило.

– Что же вы хотите, чтобы я забыл схему? – спросил я. – Это не в моей власти. Впрочем, я и так уж слишком много сделал для вас, и недостойно требовать, чтобы я действовал, как слепой автомат, как слепое оружие!

Говоря это, я хотел обойти Хардена, который преграждал мне путь, но он схватил мою руку и прижал ее к сердцу, вот-вот готовый расплакаться.

– Это не ради меня, – повторял он трясущимися губами. – Умоляю, прошу вас, поймите... Он... он не просто мой друг, речь идет о чем-то гораздо большем, несравненно большем, клянусь вам, хотя и не могу сейчас всего открыть, но, поверьте мне, я не обманываю вас, и во всем этом нет ничего низкого! Он... вас отблагодарит – я сам это слышал, – вы не знаете, не можете знать, а я... я не могу ничего сказать, но только до поры до времени, вы сами убедитесь!

Примерно так говорил он, но я не могу передать той горячности, с которой Харден смотрел мне в глаза. Я проиграл еще раз, я был вынужден, просто вынужден дать ему это обеща-

ние. Можно пожалеть, что ему не подвернулся кто-либо менее порядочный, чем я; тогда, быть может, судьбы мира сложились бы иначе, но ничего не поделаешь.

Сразу же после этого Харден ушел; мы заперли смонтированную часть установки в шкафчик, а ключ Харден унес с собой. Я согласился и на это, чтобы его успокоить.

После этого первого вечера совместной работы у меня снова было много пищи для размышлений, ведь Харден не мог запретить мне думать. Во-первых, эти ложные соединения; я допускал, что они известны мне далеко не все, ведь схема представляла собой – я видел это все отчетливей – лишь часть какого-то большего, быть может, значительно большего целого.

Неужели он сам хотел смонтировать все это целое после окончания стажировки у меня?

Электрик, привыкший к механической работе, не особенно интересующийся тем, что делает, быть может, не обратил бы внимания на эти места схемы, но мне они не давали покоя. Не могу сказать почему – то есть я не в состоянии этого сделать, не представляю себе схемы, которой, к сожалению, я не располагаю, – но похоже, что ложные соединения были введены умышленно. Чем больше я о них думал, тем тверже был в этом уверен. Это были – я почти не сомневался – фальшивые пути, предательский, обманный ход того, кто, невидимый, стоял за всем этим делом.

Меня больше всего возмущало, что Харден действительно ничего не знал о существовании этой умышленной путаницы в схеме, а значит, и он не был допущен к ключу этой загадки, значит, и его обманывали – и делал это его так называемый «друг»! Должен признаться, что образ этого друга не становился в моих глазах привлекательнее, напротив, я никогда не назвал бы такого человека своим другом! А как следовало понимать возвышенные, хотя и туманные тирады Хардена, звучавшие неясные обещания и посулы? Я не сомневался, что и эти слова он только пересказывал, что и тут он был только посредником – но в хорошем ли, в добром ли деле?

На следующий день после полудня, когда я сидел дома и читал, мать сказала мне, что у ворот стоит какой-то человек, желающий меня видеть. Она была, конечно, не в духе и спросила, откуда у меня такие престарелые дружки, которые боятся показываться сами и посылают за мной детей дворника. Я ничего не ответил, так как почуял недоброе, и сбежал вниз. Был уже вечер, но лампочки неизвестно почему не горели, и в парадном царила такая темень, что я едва разглядел ожидающего. Это был Харден, чем-то сильно взволнованный. Он попросил меня выйти на улицу. Мы пошли в сторону парка; Харден долго хранил молчание, а когда мы оказались на пустынном в эту пору берегу пруда, спросил, не интересуюсь ли я, случайно, серьезной музыкой. Я ответил, что, разумеется, люблю ее.

– Ах, это хорошо, это очень хорошо. А... нет ли у вас каких-нибудь пластинок? Мне, собственно, нужна только одна – адажио опус восьмой, Дален-Горского. Это... должно быть... это не для меня, понимаете, но...

– Понимаю, – прервал я. – Нет, у меня нет этой пластинки. Дален-Горский? Это, кажется, современный композитор?

– Да, да, вы великолепно разбираетесь, как это хорошо. Эта пластинка – она, к сожалению, очень, понимаете... у меня нет сейчас... средств и...

– И у меня, к сожалению, не очень хорошо с финансами, – сказал я, засмеявшись несколько неестественно.

Харден испугался.

– Милостивый боже, я об этом и не помышлял, это совсем не входило в мои расчеты. Может, у кого-нибудь из ваших знакомых есть эта пластинка? Только займы, на один день, не дольше!

Фамилия композитора затронула что-то в моей памяти; мы молчали минуту, шагая по грязи вдоль пруда, пока я не сообразил, что встречал эту фамилию в газете или в радиопро-

грамме. Я сказал об этом Хардену. Возвращаясь, мы купили в киоске газету – действительно, симфонический оркестр радио должен был исполнить завтра адажио Дален-Горского.

– Знаете ли, – сказал я, – проще всего включить приемник именно в это время, то есть в двенадцать четырнадцать, и ваш друг сможет прослушать адажио.

– Тсс, – прошипел Харден, неуверенно оглядываясь. – Увы, этого нельзя сделать, он... я... Он в это время работает и...

– Работает? – произнес я с удивлением, ибо это совершенно не вязалось с образом одинокого, полубезумного, беспомощного старика.

Харден молчал, словно подавленный тем, что сказал.

– А знаете, – сказал я, следуя внезапному порыву, – я запишу вам это адажио на моем магнитофоне...

– О, это будет великолепно! – воскликнул Харден. – Я буду вам бесконечно благодарен, только не сможете ли вы одолжить мне магнитофон, чтобы... чтобы потом можно было воспроизвести?

Я невольно усмехнулся. С магнитофонами у коротковолновиков – целая история: мало у кого есть собственный, а каждому хочется записывать передачи, особенно из экзотических стран, и поэтому счастливого обладателя постоянно забрасывают просьбами одолжить магнитофон. Не желая вечно находиться в разладе с моим добрым сердцем, я вмонтировал магнитофон в свой новый приемник как неотъемлемую часть: одолжить приемник целиком, разумеется, невозможно, он слишком велик. Все это я выложил Хардену, и тот непередаваемо огорчился.

– Но что же делать... что делать? – повторял он, теребя пуговицы изношенного пальто.

– Я могу дать вам только ленту с записью, – ответил я, – а магнитофон вам придется одолжить у кого-нибудь.

– Не у кого... – пробормотал Харден, погруженный в свои мысли. – Впрочем... магнитофон не нужен! – выпалил он с неожиданной радостью. – Достаточно ленты, да, достаточно ленты, если вы сможете мне ее дать! Одолжить! – Он заглянул мне в глаза.

– У вашего друга есть магнитофон? – спросил я.

– Нет, но он ему и не ну...

Харден умолк. Радость его исчезла. Мы стояли как раз под газовым фонарем.

Харден на расстоянии шага всматривался в меня с изменившимся лицом.

– Собственно, нет, – сказал он, – я о... шибся. У него есть магнитофон. Да, есть. Естественно, что есть – только я об этом забыл...

– Да? Это хорошо, – ответил я, и мы пошли дальше.

Харден сник, ничего не говорил, только временами украдкой поглядывал на меня сбоку. Возле дома он попрощался со мной, но не ушел. С минуту смотрел на меня с жалобной улыбкой, а потом тихо пробормотал:

– Вы запишете для него... правда?

– Нет, – ответил я, охваченный внезапным гневом, – нет. Я запишу для вас.

Харден побледнел.

– Я благодарю вас, но... Вы плохо понимаете, неправильно, вы сами убедитесь позднее, – горячо шептал он, сжимая мне руку, – он, он не заслуживает... Вы увидите! Клянусь! Вы все, все поймете и тогда не будете ложно оценивать его...

Я не мог больше смотреть на Хардена, лишь кивнул головой и пошел наверх. И снова у меня была пища для размышлений, да еще какая! Его друг работал – значит, он не был старым паралитиком, которого я выдумал. Кроме того, этот поклонник современной музыки мог любоваться просто лентой с записью адажио Дален-Горского без магнитофона! В том, что дело обстояло именно так, что магнитофона не было и в помине, я уже не сомневался.

На следующий день перед дежурством я отправился в городскую техническую библиотеку и проштудировал все, что мог достать о способах воспроизведения записи с ленты. Из библиотеки я ушел столь же осведомленным, как до ее посещения.

В субботу монтаж был, по существу, закончен, оставалось только вмонтировать недостающий трансформатор и припаять множество концов. Все это я отложил до понедельника. Харден горячо благодарил меня за ленту, которую я принес. Когда мы уже собирались расстаться, он неожиданно пригласил меня к себе в воскресенье. Смущенный Харден бесконечно извинялся за то, что визит... прием... встреча – путался он – будет обставлен чрезвычайно скромно, что совершенно не соответствует той симпатии, которую он ко мне питает. Я слушал безо всякого интереса, тем более что его настойчивая куртуазность сковывала мои намерения, меня все еще не оставляло желание поиграть в детектив и раскрыть, где же живет таинственный друг. Однако, осыпаемый благодарностями, извинениями и приглашениями, я попросту не мог решиться выслеживать Хардена. Тем большую неприязнь я питал к «другу», который все еще не изволил приподнять завесу окружавшей его тайны.

Харден действительно жил недалеко от моего дома на четвертом этаже, в комнатке, окна которой выходили на темный двор. Он приветствовал меня торжественно, озабоченный тем, что не может угостить бог знает какими деликатесами. Попивая чай, я от нечего делать разглядывал комнатку. Я не представлял себе, что Хардену приходится так туго. Однако кое-какие следы указывали, что он знал и лучшие времена: например, многочисленные латунные коробки из-под одного из самых дорогих трубочных табаков. Над старым, потрескавшимся секретером висел потертый коврик с отчетливо отпечатавшимися следами трубок; там, должно быть, размещалась когда-то целая коллекция, от которой ничего теперь не осталось. Я спросил Хардена, курит ли он трубку, и тот в некотором замешательстве ответил, что раньше курил, но теперь бросил – это вредит здоровью.

Во мне крепла уверенность, что за последнее время Харден распродал все дотла: об этом ясно свидетельствовали более светлые, чем остальная часть стен, квадраты – следы исчезнувших картин, прикрытые репродукциями из журналов; однако репродукции не закрывали полностью эти более светлые места, и их можно было легко обнаружить. Поистине не надо быть детективом, чтобы понять, откуда взялись деньги на покупку радиодеталей. Подумав, что «друг» недурно обчистил Хардена, я попытался найти в комнате хоть одну вещь, которую можно было бы продать, но не нашел ничего. Разумеется, я промолчал, но решил в подходящий момент открыть Хардену глаза на истинный характер этой так называемой дружбы.

Тем временем этот добряк поил меня чаем, подсовывая коробку из-под табака, служившую сахарницей, словно предлагал мне поглотить все ее содержимое за отсутствием чего-либо лучшего. Он рассказывал о своем детстве, о том, как рано потерял родителей и с тринадцати лет был вынужден кормиться сам; расспрашивал меня о планах на будущее, а когда я сказал, что намереваюсь изучать физику, если удастся получить стипендию, в своей обычной манере, туманно, заговорил об огромных благоприятных переменах – необычайных переменах, которые, как следует надеяться, ожидают меня в не очень далеком будущем. Я воспринял это как намек на благодеяния его друга и тотчас сказал, что намерен полагаться в жизни исключительно на самого себя.

– Ах, вы превратно меня поняли... превратно поняли, – огорчился он, но тут же вновь едва заметно улыбнулся, словно скрывая какую-то большую радующую его мысль.

Распаренный от чаепития и злой – в то время я почти непрерывно злился, – я через некоторое время попрощался с Харденом и пошел домой.

В понедельник мы наконец закончили монтаж. Во время работы Харден, говоря об аппарате, неосторожно назвал его «конъюгатором». Я спросил, что он подразумевает под этим и знает ли для чего, собственно, предназначен аппарат. Харден смутился и сказал, что как следует не знает. Это была, по-видимому, последняя капля, переполнившая чашу.

Я оставил Хардена над перевернутым аппаратом, из которого торчали, как щетка, зачищенные концы, и вышел в соседнюю комнату. Выдвинув ящик, я увидел в нем рядом с кусочком олова для пайки несколько слитков металла Вуда остатки от большого куска. Какой-то недоброжелатель подложил Эггеру этот серебристый металл, плавящийся при температуре горячего чая, вместо олова, и полностью смонтированный приемник через некоторое время после включения испортился, потому что металл стек с нагретых контактов и почти все соединения нарушились. Слитки как бы сами попали мне в руки. Я не отдавал себе отчета, зачем это делаю, но, вспомнив комнатку Хардена, перестал колебаться. Вполне вероятно, что «друг» не почувствует подвоха – Эггер тоже не раскусил.

«Когда припой потечет, – размышлял я, залуживая паяльник, – он, несомненно, прикажет Хардену вновь отнести аппарат в мастерскую, а может быть, даже пожелает лично представиться мне. Впрочем, возможно, и обозлится, но что он мне сделает?» Мысль о том, что я оставляю в дураках этого эгоистичного эксплуататора, доставляла мне огромное удовольствие.

Закончив пайку проводников, мы принялись монтировать трансформатор. Тут выяснилось, как я подозревал раньше, что Харден просто не в состоянии унести аппарат в одиночку. Дело было не столько в тяжести, сколько в ее размещении. Аппарат получился более метра длиной и с того края, где помещался трансформатор, очень тяжелый, вместе с тем настолько неудобный, что просто смешно было смотреть, как Харден, крайне озабоченный, в полном отчаянии примеряется к нему и так и эдак, пробует взять под мышку, опускается на колени и просит, чтобы я взвалил аппарат ему на спину. Наконец он решил сбегать к дворнику и одолжить у него мешок. Я посоветовал не делать этого: аппарат слишком длинный, и, как ни ухитряться, будешь задевать его ногами, что наверняка не пойдет на пользу лампам. Тогда Харден начал копать в бумажнике, но денег на такси не хватало; у меня их также не было. Окончательно подавленный, он сидел некоторое время на табурете, ломая пальцы, а затем взглянул на меня исподлобья.

– Не согласитесь ли вы... помочь мне?..

Я ответил, что, сделав уже так много, не откажу и теперь: он просветлел, но тут же принялся пространно объяснять, что сначала должен посоветоваться с другом. Мне было любопытно, как он это делает: время было уже позднее, и я не мог ждать Хардена в клубе. Он прекрасно это знал.

Харден поднялся, некоторое время размышлял, бормоча что-то себе под нос и расхаживая по комнате, и, наконец, осведомился, нельзя ли воспользоваться телефоном. Еще от прежних жильцов остался в коридоре телефон-автомат, которым мало кто пользовался; думаю, что о нем попросту забыли. Харден рассыпался в извинениях, но все же закрыл дверь в коридор; я должен был ждать в комнате, пока он поговорит с другом. Это меня слегка задело; я сказал, что он может быть спокоен, и заперся изнутри, когда Харден вышел.

Поскольку речь шла о вещах более серьезных, чем уважение к подозрительности какого-то неизвестного чудака, я попробовал подслушивать у дверей, но ничего не услышал. Помещение клуба соединялось с коридором вентиляционным отверстием, прикрытым куском продырявленной жести, который можно было отодвинуть. Недолго думая, я подпрыгнул, ухватился за раму и подтянулся вверх, как на трапедии. Было очень трудно отодвинуть задвижку, но все же я сделал это и приблизил ухо к отверстию. Я не разбирал слов, а только улавливал интонацию уговоров и просьб. Харден повысил голос:

– Это же я, я, ты ведь узнаешь меня! Почему ты не откликаешься?

Ему ответило урчание трубки, удивительно громкое, потому что я слышал его сквозь узкое отверстие в стене. Я подумал, что телефон испортился, но Харден продолжал что-то говорить, повторил несколько раз «невозможно» и умолк. В трубке раздавалось бормотанье, Харден кричал:

– Нет! Нет! Уверю тебя! Я вернусь один!

Он снова умолк. Я напрягался из последних сил, висая на согнутых руках, потом немного выпрямил их, чтобы передохнуть, а когда вновь подтянулся, до меня донесся обеспокоенный голос Хардена:

– Ну хорошо, все так, в точности так! Только не откликайся, слышишь! Власть, понимаю, власть над миром!

Руки у меня немели. Я легко спрыгнул, чтобы не производить шума, и открыл дверь. Харден вернулся внешне успокоенный, но явно не в своей тарелке – в таком настроении он всегда возвращался от «друга». Не глядя на меня, отворил окно.

– Как вы думаете, будет туман? – спросил он.

Маленькие радужные ореолы окружали уличные фонари, как обычно бывает после холодного, дождливого дня.

– Уже есть, – ответил я.

– Сейчас пойдем...

Став на колени возле аппарата, Харден принялся обертывать его бумагой. Потом вдруг замер.

– Не ставьте это ему в вину. Он такой... подозрительный! Если бы вы понимали... Он в таком тяжелом, отчаянном положении! – Харден вновь умолк. – Я все время боюсь сказать лишнее, о чем не велено... – произнес он тихо.

Его слезящиеся голубые глаза кротко уставились в пол. Я стоял перед ним, засунув руки в карманы, а он словно не осмеливался посмотреть мне в лицо.

– Вы не сердитесь, правда?

Я сказал, что лучше этого не касаться. Харден вздохнул и притих.

Упаковав аппарат, мы сделали с каждой стороны по петле, чтобы легче было нести. Когда все было готово, Харден, поднимаясь с колен, сказал, что мы поедем на автобусе, а потом на метро... И нам останется пройти пешком еще часть пути... правда, не очень большую... но все же... А затем мы отнесем аппарат в одно место. Друга там не будет – его там вовсе нет, – мы только оставим груз, а он уже сам потом за ним придет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.